

Владимир Зенков
Сто двенадцатый коридор

18+

Владимир Васильевич Зенков

Сто двенадцатый коридор

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43684136

SelfPub; 2019

Аннотация

Люди всегда стремились создать себе подобное искусственным путем и преуспели: от средневекового голема до нынешних роботов прогресс изрядный. Хотя и не вполне – человеку очень хочется приблизиться к Творцу и создать нечто живое. Это желание удивительно еще и тем, что воспроизводством себе подобных естественным путем люди занимаются неведь сколько лет. В мечтаниях своих они уже не только создали себе подобных, но и всерьез занимаются морально-этическими проблемами предстоящих взаимоотношений. Слетаем с синтетическим напарником в дальний поиск, каково там придется? Как сложатся отношения?

Коридор: в авиации – маршрут, обслуживаемый средствами контроля, наблюдения и связи.

В распахнутые створки огромного венецианского окна задувал ветер, полоскал шелковую портьеру, гнул вершины могучих кленов в старинном парке, шумел листвой сильно и ровно. Шум этот, запах влажной земли и молодой зелени поднимал со дна души тревожный осадок, навевал странные небывалые воспоминания: будто это когда-то уже было, в какой-то другой жизни.

Пасмурный день нежил деревья и стриженую траву после жарких погод начала лета.

За спиной звякнуло стекло, круглый перекатывающийся басок пророкотал:

– Давай, Петрович, чего ты там размечтался.

Александр неохотно отвернулся от дивного пейзажа. Начальник Управления дальнего поиска Николай Федорович Кривцов, рослый, широкоплечий, слегка сутулый, в безукоризненном темно-синем мундире и ослепительной сорочке с галстуком, расставлял на закусочном столике рюмки, коньячок, тарелочки с лимоном и семгой.

Плеснул в хрустальные лафитники коньяку:

– Ну, со свиданьем.

Погрел лафитник в руке, сунул в него внушительный нос, вдохнул. Потом выпил, хорошо крякнул, пососал ломтик ли-

мона.

– Сколько мы не виделись, пару лет?

– Три года.

– Да, брат, время летит.

– За что я тебя люблю, так это за свежесть мысли.

Кривцов хохотнул:

– У людей черти лучше, чем у меня друзья. Три года не виделись, а он в своем репертуаре. Язвит, видите ли.

– То ли еще будет. Не зря же ты меня в дом инвалидов пригласил.

Управление дальнего поиска расположилось в старинном трехэтажном особняке в сердце Липецкой губернии, неподалеку от Ельца. Здесь находилось высшее руководство Управления внешней космической разведки. В глубине некогда помещичьей усадьбы прятались гостиничный и жилой комплексы, посадочные площадки и технические службы.

Все высшее руководство головного и структурных управлений назначалось из строевых разведчиков, поисковиков, десантников и пилотов. Не всегда люди эти блистали административными талантами, но они на себе испытали все «прелести» тяжелой и опасной работы. Посторонних здесь опасались хуже чумы, поскольку печальный опыт был. Ретивым администраторам путь сюда был заказан намертво. Московские клерки из огромной конторы материальной части ядовито окрестили старую дворянскую усадьбу домом инвалидов.

С Кривцовым Александра связывала многолетняя дружба: вместе закончили Московскую академию, вместе мотались на коммерческих рейсах. Потом, коротко посоветовавшись, плюнули на приличные заработки, и ушли в разведку. «Ошкуривались» на учебных полигонах ходили в поиск и разведку в такую даль, что сознание просто не воспринимало немислимые расстояния.

Александр искренне любил солидного, неспешного в обыденной жизни Кривцова, который в нужное время проявлял силу и реакцию пантеры. В отпусках Федорыч был любителем в меру клюкнуть и пошататься по бабам.

Александр подсмеивался над другом:

– Федорыч, сколько знаю Кривцовых, Клевцовых, Клицовых – все на одно лицо: здоровенные, сутулые, носатые. Какой-то твой предок здорово погулял – пол-России своей продукцией завалил.

Николай с достоинством отвечал:

– Мы, Кривцовы, из древнего племени славян-кривичей. В нас огромная мужская сила заключена, поэтому мы все на одно лицо. В наших семьях девки почти и не рождаются, не то, что у некоторых бракоделов. Намешали в себе дурной крови – от французов до монголов, не разберешь, какой вы нации.

Пять лет назад Федорыча по причине пошатнувшегося здоровья списали с летной работы. Он на удивление быстро продвинулся по служебной лестнице и ныне пребывал

в должности начальника структурного управления дальнего поиска.

– Ну, зачем вызывал?

Наливая по второй, Кривцов пророкотал:

– Да уж не по пустякам, Петрович, не по пустякам.

Включил джей-плеер. Над письменным столом выросла чудной красоты голограмма – переливающаяся всеми цветами россыпь звезд сияла живоносным огнем, разворачивала спирали и облака галактик.

Кривцов увеличил изображение:

– Вот она, наша роднуля. Здесь, в первом квадранте, в кубике 98-70-20, есть номерная звездочка. Ты верно в тех местах не бывал, это коридор 112, самый захудалый и мало посещаемый.

Звездочка так себе, карлик как карлик. Внутренние процессы в нем какие-то уникальные. Очень ими ядерщики заинтересовались.

Гипотеза о существовании таких звезд давно бытовала. Теперь она подтвердилась, и у ядерщиков прямо родимчик сделался: результаты исследований могут вызвать очередную революцию в науке, а значит, и в развитии технического прогресса, будь он неладен.

Словом, соорудили там, у черта на куличках, станцию на орбите третьей планетки. Станция богатейшая, с перспективой на будущее. Большая часть ее законсервирована. Так вот, ученые пуляют свои зонды в этот карлик, умственно тру-

дятся – все как положено. Смена маленькая, двадцать четыре человека, дежурят по полгода.

И вот, сей карлик, видишь ли, кунштюк выкинул: вроде бы, в результате некоторых термоядерных процессов, произошли резонансные явления в полевых структурах. В результате станция приказала долго жить. Вместе с ней погибли все бедолаги-ученые. За исключением одного: француза Эжена Куртье. Ну, ты о нем слышал. О том, чем он там занимается, я имею самые туманные представления. Да это нам и не нужно.

Француз находится в самой прочной части станции, в одном из барабанов в основании спиц тора. В каком именно, неизвестно, но то, что он в барабане, это абсолютно точно, поскольку в них только внутренние бронекоробки. Больше ему прятаться просто негде.

Он сумел запустить аварийный маяк гиперсвязи. Информационная емкость у этого маячка, сам знаешь какая – десяток слов. Сообщил, что у него достаточно воздуха, воды и продовольствия. То, что кроме него все погибли, абсолютно точно.

Кривцов вздохнул:

– Обратной связи, как ты понимаешь, нет. А он не знает, будет ли ему помощь. В такой ситуации человек долго не протянет даже при наличии воздуха, еды и питья. Насколько мне известно, в этом плане у него никакой подготовки нет.

Положение осложняется тем, что цепь финишных гипер-

маяков на подходе к станции сильно пострадала. Откровенно говоря, – Федорыч поскреб затылок, – неизвестно вообще, работает ли она. А если работает, то как? Хуже всего, если настройки сбиты. Так что финишный створ для выхода из джампа придется программировать по матрице-шаблону. А эта процедура, сам знаешь, какая.

Начальник управления помолчал.

– Дела у Куртье аховые. Вот его, брат ты мой, и надо вызвать. Кроме тебя туда никто не сбегает, так ты уж постарайся.

Александр рассеянно посмотрел на голограмму:

– Какой ты кубик назвал? 98-70-20? Елки-моталки, это же на пределе досягаемости.

– Да уж, не близко. Придется идти на легком поисковике, только они безукоризненно в джамп-режиме работают. Да и в прямой космогации концы изрядные получаются, и здесь скоростенка лишней не будет.

Пойдете вдвоем, больше народу брать нельзя, поелику велено вместе с этим Эженом забрать результаты исследований, которые эту самую научно-техническую революцию и реализуют.

Александр задумался. Само по себе дело было достаточно простым. Но вот дальность, полная неизвестность того, какая там обстановка, сильно осложняли задачу.

Кривцов, покосившись лупатым глазом в окно, проговорил:

– Старик, я тебе задачу предварительно объяснил. Подробности чуть позже. Давай-ка, дружок, выпьем, – и набухал мало не по полному лафитнику коньяка.

– Мы, чай, с тобой три года не виделись. Могу я со старым приятелем за воротник заложить?

– Как можно, экселенц! Такое пристало, простите, лишь боцманам в портовом кабаке. Ваш день, вероятно, расписан по минутам?

Кривцов значительно сказал:

– Друг мой! Тот, кто не отыщет для старого товарища час-полтора – просто неудачник. Чем бы он, каналья, не занимался.

– Ваша правда, экселенц. Поехали.

Пропустили по чарочке. Федорыч достал темно-синюю пачку сигарок «Мистер Спэйс», предложил.

– Старик, ты с ума сошел! Здесь же запрещено курить.

– Плевать мы хотели на всякие дурацкие запреты. У нас свои порядки.

Ткнул на селекторе клавишу «confidentially», блудливо скосил глаза и пропел баском:

– Одна баба раздурачилась...

Александр подавился дымом, захохотал, вспомнив старую историю.

Как-то в академические времена, пригласили они к себе в комнату двух девчонок с факультета обслуживающих систем. Вечер проходил в полной гармонии. Утомленные кур-

сантки в неглиже, валялись на ковре. Александр в халате развалился в кресле. Федорыч в совершенно непристойном виде – в чем мать родила – подошел к нему с рюмкой.

– Старик, споем. Посвятим наших дам в древнее искусство.

И они запели жуткую похабщину, неведомо из каких исторических глубин, забредшую в современный мир. Песню о том, как в некую деревню привезли огромный фаллос «на восемнадцати возах», и как обрадовались этому событию деревенские бабы.

Кривцов, басистым речитативом наигрывал первую часть куплета, Александр вступал в конце. Потом, сделав испуганные и значительные лица, прижав пальцы к губам, тихонько пели припев:

– Раз-два, люблю тебя,

Люблю тебя...

В этой древней непристойщине было какое-то необъяснимое очарование, словно в куске старого домотканого полотна, расшитого петухами.

Курсантки хохотали, как нанятые – академическая литература о таких песенках просто не знала.

В разгар сценического триумфа наглухо запертая дверь комнаты открылась, и пожаловал местный патруль нравов во главе со старой девой – преподавательницей психологии гуманоидных цивилизаций.

Остолбневший патруль лишился дара речи. Знаток гума-

ноидной психологии, однако, не потерялась. Она довольно долго и очень пристально смотрела на голого Кривцова, потом резко повернулась и вышла. Обалдуи из патруля, потоптавшись, тоже выкатились.

Александр, вздохнув, сказал:

– Ну, вот, накрылся зачет по гуманоидной психологии.

Федорыч, со вкусом вытянув рюмку, завертел носом:

– Не бойсь, мастер, леди нам простит. Всем нутром чую.

Большой знаток женской души, Кривцов, оказался прав – леди простила.

Смеялись много, вспоминая золотые годы. Отпыхавшись, Александр сказал:

– Ну, старый черт, знаю, зачем ты все это затеял. Небось, неприятность, какую готовишь?

Федорыч глубоко вздохнул, зачесал на затылке остатки шевелюры:

– Не без этого, Петрович, не без этого.

Стал серьезным.

– Дело в том, что тебе придется лететь с биоформом.

Александр осел:

– Ты что, шутишь? Ты же знаешь, как я к ним отношусь.

Кривцов неожиданно жестко сказал:

– А кого интересуется твое отношение? Несмотря на внешнюю простоту, задача чрезвычайно сложная. На одну коррекцию по матричному шаблону у тебя два дня уйдет. Биоформ выполнит это в течение часа.

Он помолчал.

– В результатах исследований заинтересованы самые могущественные корпорации Системы. Сегодня ты – та самая, единственная точка устремлений всего нашего мира.

Конечно, финансовые возможности этих корпораций таковы, что они вполне могли бы послать туда целую армаду. Но в этом просто нет необходимости. Я уверен, что ты справишься, и справишься отлично. Согласись, могут возникнуть любые нештатные ситуации. А в этих случаях лучше биоформа помощника не найти.

Александр вяло сопротивлялся:

– Федорыч, ну не перевариваю я этих человекоподобных кукол. Аллергия у меня на них.

Кривцов снял мундир, закурил сигарку, засунул руки в карманы. Долго ходил, ссутулившись, возле окна.

– Саша, я понимаю твою неприязнь. По-человечески понимаю. Но тебя не было на Земле три года. А ты ведь знаешь, какими темпами движется прогресс. Это уже давно не куклы.

Помолчав, неохотно сказал:

– Ты меня знаешь, как облупленного. Из меня, брат, философ никакой. Не умею я мыслить вселенскими категориями. Но, знаешь ли... Я вот на этих биоформов смотрю, и даже я понимаю, что человек по своему могуществу к Господу приблизился. Это, брат, люди.

Александр разозлился:

– Будет тебе сказки-то плести. Какие это люди? И на кой их человекоподобными сделали? Ну, была бы машина – все понятно. Робот он и есть робот. Я вот с тобой собачусь – значит, мы люди. А они?

Кривцов качнул головой:

– Ах, дружок, думаю, ты со своим напарником собачиться будешь не меньше. Их эмоциональный мир несколько не уступает нашему. Скажу тебе больше: меня пугает не столько то, что они уже люди, а то, что они люди лучше нас – чище, возвышенной, добрей. У них нет никакой внутривидовой борьбы, им не нужны ни деньги, ни слава, ни должности. Я тебе не зря сказал, что человек уже уподобился Господу. С тем только отличием, что Бог, видно, нарочно сотворил нас несовершенными, а человек сделал свои творения выше себя самого. Грех это, Саша, большой грех.

– Словом, давай, дружок, – Кривцов ногой выкатил из-под стола ребристый металлический кейс – Александрову укладку.

– Вещички твои здесь. Извини, кое-какие мелочи я на свой вкус выбирал. Пирожки тебе Алена передала, съешь их сегодня. Челнок мой на полосе у второго СКП. Возьми на стоянке любой флаер и дуй. Старт с нашей лунной базы. Координатор – старина Фил Стивенсон. Напарника твоего величают, – Федорыч запнулся и, сделав невинные глаза, продолжил, – точнее, напарницу, Анна Залевски.

Александр скрипнул зубами:

– Совсем ты меня, старый хрен, зарезал. Мало того, что оно биоформ, так оно еще и баба.

– Баба, баба, Саша. И красивая, скажу тебе, баба. Можешь ее даже трахнуть, – Кривцов заржал, – они это уже умеют. Только детей рожать еще не научились. Но насиловать не советую, она десятерым, таким как ты, пачек накидает. Впрочем, вы поладите.

Александр сплюнул:

– Тьфу ты, охальник.

Вконец обозленный, он заложил крутой вираж, целясь поближе к кровле. Флаер вспорол воздух, медные листы задрезжали. С удовольствием выслушал ругань диспетчера насчет старых козлов, впавших в детство.

Молодой парнишка, пилот челнока, взялся, было помогать – подключать многочисленные коммуникации скаффандра. Александр зарычал:

– Предохранительную чеку привода пиропатрона на своем кресле выдерни. А то тебе задницу вместе с креслом размажет. Развел хлев.

Испуганный парень выдернул металлический стержень с красным флажком на конце, передал его не менее испуганному технику и погрозил ему кулаком.

– Извините, Александр Петрович.

Александр удивился:

– Откуда меня знаешь?

Парень, устраиваясь в пилотском кресле, вздохнул:

– По учебникам, чиф. Ваши высадки вошли в курс практической подготовки.

Александр хмыкнул:

– Вошел в анналы, надо же. Зажился уже видно.

– Пилот суеверно сплюнул:

– Типун вам на язык, чиф.

Челнок вырулил на старт. Александр вполуха слушал переговоры пилота с командным пунктом:

– Я челнок полста третий. Прошу разрешения на взлет.

– Полста третий, взлет разрешаю. Взлетайте на ВРД, вертикальный старт из третьей курсовой зоны. Время подлета девять минут. Включение маршевого двигателя вручную. На высоте пятьдесят километров – вход в режим автоматического управления и курсовая коррекция. Счастливо!

Тонкий звенящий вой воздушно-реактивных двигателей проникал даже сквозь шлем. Пилот набирал обороты, удерживая многотонную машину на тормозах. Вот он отпустил их, челнок двинулся, быстро набирая скорость. Понеслось навстречу пустое пасмурное небо, линия горизонта ушла вниз. Хлопнули, закрываясь, створки шасси. Земля за бортом приобретала геометрические очертания, тонула в голубоватой дымке.

Завершал зуммер маркера, раздался голос бортового компьютера:

– Судно в зоне старта, выход на вертикаль.

Пилот включил маршевый двигатель, резко задрал нос челнока. Александр почувствовал себя комаром, усевшимся на артиллерийский снаряд – так огромна была мощь машины.

Автомат монотонно отсчитывал перегрузку. Александр рассеянно следил, как в выпуклой сфере обзорного зеркала уходит вниз земля. Края ее выгнулись чашей, сверху обступало черно-фиолетовое небо.

В телефонах раздался веселый молодой голос:

– Полста третий, вы в створе. Курс без отклонений, полет в режиме прямой космогации, управление по программе. Дозаправка на танкере номер восемнадцать. Шлюзоваться будете в первой секции, шлюз номер пять. Дальше за вами будут присматривать диспетчеры сопровождения.

Замигали проблесковые маяки автоматического танкера, висевшего на суточной орбите. Россыпь звезд выглядела как праздничный фейерверк. Здесь они были свои, домашние, совсем не такие, как в дальнем космосе. Челнок осторожно заходил к заправочной воронке на конце короткой ребристой трубы, заключенной в сетку амортизаторов. Это было сложно – на челноке не было маневровых двигателей. Управление осуществлялось с помощью гибкого сопла маршевого двигателя.

Стыковка шла в автоматическом режиме и шла неважно – подсело питание импульсных излучателей воронки. Пилот лихорадочно возился с ручным корректором. Александр по-

нимал его состояние – вернуться на второй заход не позволяла гордость, а сейчас не очень получалось.

Александр нажал кнопку интеркома:

– Возьми ручное управление, но без давления. Только положи ручки-ножки. Посмотри, как это делается.

Вспыхнул венчик пламени тормозных дюз, челнок замедлил движение. Пара коротких импульсов маршевого, неуловимое движение штурвалом и заправочная штанга вошла в центр воронки.

– Спасибо, чиф, – парень говорил зажатым от неловкости голосом.

– Охота тебе начальство возить? Шел бы эксплуатационником.

Пилот солидно сказал:

– Я кантуюсь, чиф. Уже получил назначение стажером на десантную посудину.

– Ну, вот и дело. Там из тебя в два счета пилота сделают.

Потом Александр неожиданно заснул. Шумели во сне клены старого парка, улыбалось чье-то до боли родное лицо и странная, глубокая тоска сжимала сердце.

– Александр Петрович, проснитесь, приехали, – над ним наклонился парнишка-пилот. Александр, со сна плохо сообщая, осмотрелся. Коммуникации скафандра уже были отсоединены, шлем снят. Он удивился про себя: вот задрых, поисковичок. Лениво выкарабкался из кабины, спустился по стремянке.

Челнок улегся в конце огромного ангара с ребристыми дугами шпангоутов, залитого ярким светом. Лязгая магнитными подошвами, подошел старина Стивенсон, огромный, рыжий, добродушный. Гулко хлопнул по спине:

– Здорово, Петрович! Сто лет тебя не видел, – бородач лучился искренней радостью.

– Здорово, бродяга. Рад тебя видеть.

– Нет, Сашенька, уже не бродяга, уже пенсионер. Вечерами кружка пива, партия в домино – стариковские дела.

– Будет тебе прибедняться, – Александр открыл крышку багажного отсека, достал укладку.

– Где моя посудина?

– С той стороны, Саша. Все серьезные лоханки с той стороны. Пошли, – он загромыхал, словно Голем, по узкой металлической дорожке.

Шелестела стальная, обрезиненная лента транспортера, уходя в далекий полумрак. Тянулись пунктирами, сходились в перспективе неяркие цепочки фонариков, отражаясь в стенках прозрачной трубы. Рядом была такая же, где дорожка бежала в другую сторону.

Тишина. Стивенсон помалкивал, жевал зубочистку, думал о чем-то своем.

Александр испытывал странное, глухое, злобное раздражение – не нравился ему этот полет. Не удержался, ругнулся вслух. Старина Фил встрепенулся:

– Ты чего, Саша?

– Не хочу лететь, настроение дрянное.

– Эх, дружок, меня бы на твое место.

– Скажите, радость, какая.

– Еще бы. Ты знаешь, какая премия тебя ожидает в случае выполнения задания?

– Впервые слышу.

– Заинтересованные корпорации под эгидой Ai-FX учредили такую премию, дружок, что тебе трех жизней не хватит, чтобы ее потратить.

– Фил, тут бы одну жизнь сохранить.

– Да, я в курсе – задание поганое, но ты справишься.

– Дай-то бог.

– Саша, тебе выходить. Извини, я еду дальше, дела кое-какие есть. Посудина твоя, поисковичок «Зеро-510» полностью готов к старту. Напарница возится с последними проверками – настырная девка. Ну, давай, Саша, удачи тебе.

Александр пожал твердую, огромную, как лопата, ладонь и вышел в раздвинувшиеся прозрачные створки.

Полукруглыми арками уходили ввысь, терялись в темноте огромные ребра шпангоутов. Трудно было представить себе размеры ангара, а ведь это был только сектор поисковиков. Даже звуки пропадали в бесконечном помещении – голоса, вой сервоприводов, сигналы контрольных систем были едва слышны.

Александр стоял у края галереи, тянувшейся поперек ан-

гара. «Зеро-510», пространственный прямоточник, неряшливо развалился внизу в круге яркого света. Подумал:

– Надо же, до чего несуразное устройство. То ли дело атмосферники – песня!

Александр поморщился: поисковичок больше всего напоминал трубку Вентури, которую устанавливали на старинных самолетах для измерения скорости – два раструба на концах широкой короткой трубы. Плюс вынесенные кронштейны с ионными двигателями, плюс хозяйственный модуль. А, кроме того, еще и рабочий, набитый роботами. Прибавьте сюда планетный бот и спасательную капсулу. Все это закреплено на решетчатых фермах, и стороннему человеку ни за что не догадаться, что за устройство перед ним.

Пространство открыли всего тридцать лет назад. Именно открыли – как электричество. Тут же научились пользоваться им – Александр вспомнил школьный опыт с катушкой световода. Длина кабеля была пятьдесят метров, и свет мощного источника воспринимался как яркая точка. На самом деле фонарь находился от наблюдателя на расстоянии тридцати сантиметров. Опыт примитивный, но очень показательный – у пространства оказалась сложная структура. Впрочем, что оно собой представляет, никто не знал. Фундаментальная наука пережила тяжелейший шок и находилась нынче в подвешенном состоянии. Прикладники посмеивались и всю использовали открывшиеся возможности.

Александр спустился с галереи на лифте, вышел в ан-

гар. «Зеро-510» приобрел огромные размеры. Он был облеплен операционными каркасами с контрольной аппаратурой. Впрочем, работа завершалась – аппаратные блоки, урча, уходили под темный потолок.

Недалеко возился техник – конопатый рыжий парнишка. Александр спросил:

– Подскажи-ка, дружище, где мне найти Анну Залевски?

Парень сунул отвертку в набедренный чехол и с видимым удовольствием оторвался от работы.

– Да вон она, у носовой «пэмэушки» возится, – он язвительно улыбнулся, – не доверяет.

– Правильно делает, лететь-то ей, не тебе.

Пошел потихоньку по ребристой резиновой дорожке технологической галереи, окружавшей корабль. Задумался.

– Похоже, никто не догадывается, что эта Анна – биоформ. А кто догадывается, тот помалкивает.

Прислушался к себе: лететь ощутимо не хотелось. Состояние было угнетенным – предстояло нечто горестное, утрата, которая касалась только его. Если бы что-то грозило экспедиции в целом, ощущения были бы совсем другими. Уж эту-то разновидность предчувствий он знал отлично. А здесь было что-то новенькое, небывалое.

– Какое у меня, к черту, горе? Погибну что ли? Нет, здесь что-то другое.

Стоял долго, уставившись, невидящими глазами на синюю трафаретную надпись на каком-то лючке. Встряхнулся,

сконцентрировал зрение, прочел: «Гидрогенератор Г-45. Перед заливкой гидросмеси открыть дренажи». Злобно сплюнул – дренажи, мать их так. Нет, ребятки, предчувствия предчувствиями, а работать надо. Зашагал решительно к носовой части.

В раструб излучателя противометеоритной установки был задвинут узкий лежак операционного блока. На нем имелась пара рабочих ботинок с магнитными пластинами на толстой рубчатой подошве. Ботинки нетерпеливо двигались, отбивая в воздухе замысловатую чечетку. Александр вежливо постукал по пластинке ключом. В блоке заурчало, лежак выехал из излучателя. Темноволосая, коротко стриженная, девчонка разъяренно вскочила со своего ложа, устала на Александра огромные карие глаза, полыхающие злостью:

– Ну, что на этот раз?

Она доходила ему до плеча, разве что самую малость повыше.

– Ничего, ладненькая, – подумал с удивлением.

Сказал холодно:

– Вообще-то я командир этой лоханки.

Девушка смутилась. Александр с изумлением увидел, как она залилась краской.

– Простите, командир. Меня тут местные техники достали – лезут по всяким пустякам.

Он хмыкнул и неожиданно засмеялся:

– Ну, дело молодое. Они тут как жеребцы стоялые.

Анна покраснела еще сильнее, потом как-то сразу поникла. Александр сообразил, что сморозил что-то... этакое. Не объяснишь что именно, но совершенно ненужное. Излишне сухо поинтересовался:

– Как готовность?

Девчонка стала обстоятельно докладывать:

– Программа составлена, введена в бортовой компьютер, откорректирована привязка к корабельным механизмам. В режиме тренажа работает безукоризненно, замечаний нет. Материальная часть в полном порядке: прямоточник, стартовый резерв топлива, ионные двигатели, основной и вспомогательные генераторы, гидросистемы, цепи управления, операционные роботы, спасательные и каботажные средства – все в действии, все на своих местах.

– Добро, заканчивайте и поднимайтесь на борт.

Узкие коридоры на «Зеро» обиты простеганной квадратами мягкой тканью, отливающей жемчугом в свете плафонов. По стенам – широкие мягкие петли, на случай невесомости. Матово-серая дверь ушла в стену, открыв крошечную каютку: койка-амортизатор, столик размером с сигарную коробку, такого же размера шкафчик. На стене незамысловатый ландшафтик. Королевские покои – только для командира. Экипаж ютился в кубрике. Александр раскрыл укладку, привычно разложил нехитрый скарб, вложил укладку в гнез-

до рундука – шелкнули замки.

– С новосельем вас, Александр Петрович.

Переоделся в штатный комбинезон, оказавшийся в шкафчике – со всеми знаками различия и даже шевроном за спасательную операцию на Лидии. Взглянул в маленькое зеркало на двери, потер щетину на впалых щеках. Хорошее лицо, ничего не скажешь: прямой нос, широкий разлет бровей. Рот привычно сжат, глаза пронзительные, подбородок в меру волевой.

– Да, брат ты мой... Командир корабля, широкоплечий и статный, шести футов росту... Старая перечница, давай за работу.

Зашипел динамик интеркома:

– Командир, помощник Анна Залевски просит разрешения подняться на борт.

Ишь ты, все по уставу.

– Разрешаю.

Задвинул за собой дверь, пошел по коридору в ходовую рубку. Здесь перемигивались многочисленные дисплеи, вспыхивали транспаранты, попискивали зуммеры, мягким баритоном вещал компьютер о ходе подготовки к полету – шла огромная и важная работа тончайших механизмов, где присутствие человека было, вроде бы, уже не обязательным.

Вошла Анна, стеснительно потопталась у комингса:

– Разрешите присутствовать, командир?

Александр поморщился:

– Давайте без формальностей, Анна. Входите.

Уселся в командирское кресло. Анна заняла место правого пилота.

Шестифутового роста, широкоплечий и статный, командир кашлянул:

– Предполетная проверка. Пройдемся по системам, – и развернул планшет с доброй полусотней пунктов.

– Итак, состояние центрального заборника?

– В норме.

– D-генераторы, основной и вспомогательный?

– В норме. Мощность в спящем режиме.

...Пошло-поехало. Занятие нудноватое и, откровенно говоря, бессмысленное.

Во время короткой паузы девчонка спросила:

– Разрешите вопрос, командир?

– Валяйте.

– Для чего эта процедура? Ведь и так все в полном порядке, десять раз проверено и перепроверено.

Александр пожал плечами:

– Традиция. Маленькие пустяки, которые дороги человеку, настраивают его на рабочий лад, придают ему значимость среди всей этой техники, которую он создал и боится запутаться в ней. Это часть огромного мира различных инструкций, которые существуют для того, чтобы довести практические навыки до полного автоматизма в самых трудных ситуациях.

Анна вздохнула и наивно удивилась:

– До чего же сложное существо человек.

Против воли Александр весело расхохотался:

– Тем только и утешаемся.

Помощница недоумевающее посмотрела на него:

– Я не понимаю вашей иронии, командир.

Командир, опять же против своей воли, мягко сказал:

– Мы еще поговорим на эту тему. Давайте продолжим свое бесполезное занятие.

В рубке раздался хриловатый голос диспетчера:

– Зеро пятьсот десятый, вам объявлена десятиминутная готовность. Вас подадут в третий коллектор, выход из шлюза и отход в стартовую позицию прямой космогации на химических ускорителях.

Александр вежливо ответил:

– И на том спасибо. Кстати, Люк, отчего это у тебя голос хриплый? Пивка холодненького перебрал, старый мошенник?

Люк хохотнул:

– Насквозь всех видишь! Было дело, было. Счастливого пути вам, Саша. И удачи.

– Ох, вот это нам не помешает. А ты приготовь-ка упаковочку «Ржавого клюза». Да возьми крепкое, скупердяй!

– Непременно. Счастливо, Саша!

Раздвинулись огромные броневые сегменты коллекторно-

го входа, суппорт с кораблем двинулся вперед.

Пока откачивался воздух из шлюзовой камеры, Александр перебрался в кресло правого пилота, застегнул замки фиксирующего устройства. Анна готовила к запуску химические ускорители. Он внимательно следил за движениями ее рук на панели управления двигателями. Работала быстро и четко, строго соблюдая последовательность включения систем и агрегатов. Искоса взглянула на начальство, слегка улыбнулась:

– Присматриваетесь, командир?

Александр холодно сказал:

– Я присматриваюсь ко всем, с кем работаю. Это входит в мои обязанности. Впредь прошу не отвлекаться на пустые разговоры.

– Есть.

То-то. Я тебе покажу, как болтать во время старта. Он без усилия поставил ноги на педали, легко положил руки на штурвал, готовясь подстраховать в случае необходимости. Она, побледнев от злости, процедила:

– Уберите руки от управления. Ноги на пол. Ваши действия запрещены той самой инструкцией, которую вы так почитаете.

Вот чертова девка! Она была совершенно права. Сделал вид, что пожал плечами под кирасой фиксирующего устройства:

– Как скажете.

Сочным баритоном негромко вещал бортовой компьютер:

– Давление в шлюзе на нижней марке. Протяжка двигателей выполнена. Пошли створки шлюзового люка. Управление переходит к пилоту судна. Включить предварительное зажигание.

Разошлись двойные створки шлюзовых ворот, пыхнуло, вырываясь в пустоту облачко ледяных кристаллов, и засияла яркая россыпь звезд.

Анна включила основное зажигание, нажала красную рифленую клавишу стартера. Взвыли где-то в утробе корабля топливные насосы, раздался короткий гром ускорителей. Подвинула дужку микрофона к губам:

– Селена-один, я Зеро-пятьсот десятый, разрешите старт.

Будничный голос Люка произнес:

– Зеро-пятьсот десятый, старт разрешаю. Переходите к диспетчерам сопровождения. Счастливого пути.

Анна двинула рычаг дроссельных заслонок. Многотонная махина корабля медленно сошла с направляющих и выплыла из шлюза. Тут же помощница газанула так, что многократная перегрузка мало не раздавила беспомощного командира – Александр увидел на потолочном табло 14G. Корабль описал широкую циркуляцию и без всяких поправок улегся на курс.

Командир тяжело дышал с закрытыми глазами. С трудом произнес:

– Соблюдайте инструкцию по разгону судна. Запасы химического топлива ограничены.

Сильно побледневшая Анна испуганно сказала:

– Простите, командир. Я совсем забыла... – она замялась.

С трудом пришедший в себя командир, прокашлявшись, проникновенно сказал:

– Дорогая моя деточка! Теперь я вижу, что вы классный пилот. Но если не хотите остаться без начальства в моем лице, то умоляю вас, будьте, пожалуйста, осторожней.

Она в смущении наклонилась над приборной консолью. Некоторое время молчала, потом, запинаясь, сказала:

– До запуска ионников полтора часа. Вы бы... вздремнули.

Александр, расстегнул замки фиксирующей системы, потянулся.

– Иногда к вам приходят очень удачные мысли.

У нее опять напряглось лицо. Ругнулся про себя: похоже, Николай был прав относительно ее эмоционального мира. Тут уж явный перебор – чистая неврастеничка. Неожиданно для себя положил руку на ее плечо, мягко сказал:

– Анна, поверьте, я вовсе не смеюсь над вами. Я совсем не хотел обидеть вас. Это шутка, не более. Я всю жизнь провел в мужской среде, не могу сказать, что поисковики грубые люди. Но, как вы понимаете, эта профессия не располагает к нежности. Поэтому привыкайте, – он заглянул в глубину ее глаз. Там плавали золотые искорки. Потрепал ободряюще

по плечу и вышел из рубки.

Полной тишины не было. Где-то далеко едва слышно и мягко гудели топливные насосы, урчали холодильные агрегаты, свои ноты вносили системы жизнеобеспечения. В полуоткрытую дверь каюты из рубки доносилось бормотание компьютера, разнотонные сигналы зуммеров, негромкий голос Анны, переговаривающейся с диспетчерами – нормальное привычное, почти домашнее окружение.

Александр долго возился в неудобной койке, никак не мог устроиться. Наконец примостился. Внутри царил полный кавардак: встреча с биоформом неожиданно взволновала его. Никак не мог выбрать правильный вариант поведения. С одной стороны просто подчиненная, с другой – женщина, с третьей – еще и биоформ. В конце-концов, окончательно запутался и плюнул, предоставив организму самому решать эту проблему. Стал вспоминать Анну: коротко остриженные, крупными кольцами волосы, нежный затылок, тонкое плечо, на которое он положил руку. Огромные, в пол-лица, карие глаза с золотыми точками и, едва заметные, веснушки. Ничем совершенно она не отличалась от обычной девушки. Впрочем, нет, отличалась, хотя и не внешностью. Почти все девушки, работающие в их конторе, были, казалось, сделаны по одному шаблону: спортивные, деловые, слегка агрессивные, сосредоточенно и целеустремленно добивающиеся своих каких-то, неведомых целей. Он с юмором подумал, что

эти-то девицы как раз очень напоминают неких роботов. В Анне, несмотря на ее взрывной характер, была откровенная незащитность, что делало ее образцом классической женщины, о которой втайне мечтает любой мужчина.

От этих мыслей Александр ощутил некое моральное неудобство, будто поймал себя на чем-то постыдном.

– Веснушки-то, веснушки, зачем они ей сделали, каналы. Сотворили бы какого-нибудь уroda и вся недолга, – со злобой подумал он в полузабытьи. Потом провалился в глубокий сон.

Сияла нежным изумрудным золотом молодая трава между могучими кривыми соснами, устилали поляны синие ковры подснежников. В глубине старого бора прятались березняки, ярко и радостно пробиваясь сквозь сумрак ослепительно белыми стволами. В них, на мягкой подстилке палых листьев, дрожали кружевные тени от негустой еще листвы. Из бог весть, каких забытых лет вошло в сон это видение. Тоска по нему была так сильна, что Александр мучительно застонал, просыпаясь.

В гамме многочисленных звуков теперь господствовал один: слитное мощное гудение ионных двигателей. Александр взглянул на информационное табло: двигатели работали уже два часа, скорость приближалась к крейсерской. Вна-

чале было, заругался – отчего не разбудила? Потом, сообразив, что мог выставить таймер и проснуться сам, вяло махнул рукой. Сполоснул лицо и пошел в рубку.

Анна сидела у компьютера. Александр слегка попенял ей: командир должен присутствовать при пуске ионников. Она кивнула на его штатные часы – на дисплее светилась яркая красная точка.

– Вы переутомлены, командир. И вас послали в полет, не дав отдохнуть. Вам надо как следует выспаться.

– В нашей практике это обычная вещь. Из-за этого нас на пенсию и выгоняют в относительно молодом возрасте, – он присел у переборки на откидной стульчик.

Мелодично пропел сигнал вызова. Анна включила УАС – на большом экране появилось лицо Кривцова.

– Анечка, душенька, как я рад видеть ваше нежное личико, – замурлыкал он своим круглым баском.

– Здравствуйте, Николай Федорович.

– Ну, как вы там, солнышко, поживаете? У нас тут погода испортилась, опять дождь пошел. Сама природа гневается за то, что мы вас отпустили.

Николай нес свою обычную белиберду, которая почему-то на женщин действовала неотразимо. Александр заметил, как порозовело лицо Анны – комплименты подействовали и на нее. Он поразился тому, как сильно в ней женское начало. Счастливый человек Кривцов: ему было глубоко наплевать, какого там Анна происхождения – была бы женщина, осталь-

ное несущественно.

– Как вы там с командиром ладите? Я вам по секрету скажу, – он сделал заговорщицкое лицо, – бойтесь его. Во-первых, страшный сухарь и формалист редкостный. Да вы уже, наверное, поняли сами. Во-вторых, – он еще понизил голос, – я убежден в том, что он тайный женоненавистник. Скажите спасибо, что на вашей посудине нет карцера: он бы вас непременно уже засадил.

Анна смеялась – словно колокольчик заливался. Александр подвинулся в поле зрения объектива.

– А что это ты, старый хрен, раскурлыкался? Я вот Алене наступчу на тебя, как ты тут комплименты рассыпаешь. Будет тебе ночь длинных ножей и тяжелых сковородок.

– Видите, Анечка, видите, – начальник управления развел руки, словно призывая ее в свидетели, – я же вам говорил, страшный человек. На твои же слова, о свирепейший из командиров, я отвечу так: кто богу не грешен, кто бабке не внук? Да и не поверит тебе Алена, не заблуждайся.

– Отчего же это?

Кривцов сочно хохотнул:

– Моя дражайшая половина уверена, что такой старый, плешивый и горбатый козел никому, кроме нее не нужен. Так-то. Ну-с, друзья мои, посмеялись, теперь к делу. Саша, лету вам до стартовой позиции осталось часов пять. Плюс торможение, полная остановка. Анечка, напоминаю, ориентирование по матричному шаблону. Вы уж, душенька, поста-

райтесь – финишная цепочка маяков либо разрушена, либо выведена из строя. Что за обстановка там, я имею в виду пространственные структуры, тоже непонятно. Так что при ориентировании корабля приложите все, на что вы способны.

Он помолчал.

– Саша, я насчет поправки при ориентировании. Включи там свой знаменитый нюх. Анне доверяй – она тебе лучшая помощница. Да не обижай ее, а то вот ей-богу, вломлю тебе.

– Будет тебе грозиться, ловелас.

– Аня, да он вас ревнует!

Анна вспыхнула так, что кровь, казалось, брызнет через тонкую кожу. Александр сердито сказал:

– Не смущай человека. Говори по делу.

Анна удивленно стрельнула глазами. Александр сообразил: я же назвал ее человеком. Бедная девочка.

Кривцов вздохнул:

– Какие у меня особенные дела? Связался так, потрепаться с вами. Последний сеанс перед джампом. Возвращайтесь скорей. До встречи.

Экран погас. Минуты две оба молчали. Потом Анна спросила:

– Что вам приготовить на завтрак, командир?

Командир удивился:

– Вы умеете готовить? А что именно?

Она пожала плечами:

– Да все. Правда, со вкусом у меня неважно, готовлю толь-

ко по рецептуре.

Шестифутовый командир с вожделением сказал:

– Греночки... В яйце, посыпанные тертым сыром. И очень сладкий кофе со сгущенкой.

Помощница пару секунд молчала. Потом сказала:

– Не знаю такого блюда. Скажите точный рецепт.

Александр вздохнул:

– Ну конечно, откуда вам знать. Такие только бабушка готовила. Берете два яйца, полстакана молока, по щепотке сахара и соли. Тщательно размешиваете, окунаете туда ломтик батона и обжариваете на сливочном масле с двух сторон. Потом посыпаете тертым сыром. Впрочем, это я загнул – откуда здесь яйца?

– На ваше счастье я протащила тайком два десятка. Все остальное есть. Так что сейчас сооружу вам ваши гренки.

Александр поразился:

– Да вы контрабандистка!

Помощница с горечью сказала:

– Все сделала, чтобы ублажить своего дорогого командира и вот благодарность. О люди, люди!

Александр подхватил:

– ...Вам вероломство имя.

Они посмеялись, и Анна ушла на камбуз.

По кораблю разнесся восхитительный аромат, запахло домом, детством. Казалось, сейчас в сегментную дверь рубки,

в царство немислимо сложной техники войдет бабка Лукерья, рослая грузная старуха с шипящей сковородкой в руках. Командным голосом своим отчетливо скажет:

– А ну, шпана беспорточная, завтракать!

Она была лингвистом-русоведом и говорила на удивительном жаргоне, состоящим из странных выражений, замысловатых ругательств, потрясающих шуток и невероятно смешных анекдотов – живая, сочная старина потертым драгоценным кружевом ложилась вокруг нее прихотливыми складками.

– Крест и маузер! Пошевеливайся у меня, ходи круче!

Запустит пальцы в волосы, потреплет ласково:

– С добрым утром, мошенник.

– Ба, анекдот про попадю, что грехи замаливала...

Бабка испуганно махала полотенцем:

– Что ты, что ты, меня родители и так поедом едят: зачем ребенку в таком возрасте неприличные анекдоты рассказываешь?

Испуг был наигранным. На упреки родителей она решительным басом отвечала:

– Русский человек должен знать свой язык полностью. А непристойности не на языке, а в голове. Обучать живому великорусскому надо сейчас. Кто потом это будет делать? Нынче уже вологодцы с оксфордским прононсом разговаривают, мать их так...

Всколыхнуло душу, мягко сжало сердце – самые дорогие

воспоминания и не вовремя.

Анна крикнула:

– Командир, прошу к столу!

В кубрике чистой салфеточкой был накрыт краешек длинного стола. Все как в детстве: на сковородке, оплывая сыром, скворчали гренки, от кружки с кофе плыл аромат. Александр присел на мягкую скамью, выложил на бумажную тарелочку гренок. Подул, откусил, обжигаясь:

– Очень вкусно. Прощаю вам контрабанду и объявляю благодарность – вы знаете, как ублажать командование.

Анна намазывала на большую галету странную смесь, напоминающую овощную икру, вяло, неохотно жевала.

– А что вы едите? Мне можно попробовать?

– Можно, но не стоит. Это вы будете есть только в случае длительной голодовки. Моя пищеварительная система попроще вашей. Но зато эффективней.

...Протяжно бухнул здоровенный медный гонг, мерзко взвыла сирена, замигали бешено алые транспаранты. Заорал компьютерный баритон:

– Тревога! Метеоритная атака!

Анна мгновенно метнулась в рубку. Александр, чертыхаясь, поспешил за ней. Помощница уже сидела у пульта управления противометеоритной установкой. Александр плюхнулся в кресло левого пилота, переключил управление на ручное. Помощница быстро считывала данные с прицела:

– Азимут 26 градусов, удаление среднее. Состав: базаль-

ты, железо, никель – высшая тугоплавкость. Залп пушкой правого каземата, мощность разряда – 67 процентов.

Александр, нещадно ругая проспавших рой диспетчеров, включил защитное поле. На экране УАСа возникла прицельная сетка. Раструб излучателя развернулся, перекрестие наползло на движущееся встречным курсом пятно. Анна сказала:

– Залп! – и светящийся шарик уплыл навстречу пятну. Сейчас же на экране забушевало нестерпимо яркое многоцветье, потом померкло – помощница включила плотный серый фильтр. Через пару секунд с траверза ушло только неяркое облачко продуктов распада. Александр выключил защитное поле.

– Ну, матушка, реакция у вас, как у кошки.

Помощница, передразнивая командира, ответила:

– Тем только и утешаемся.

– Ну, будет вам, не сердитесь. Вы на самом деле молодец. Как же это диспетчеры рой проспали? Раззявы бестолковые. Аня, отметьте в боржурнале, пусть им Кривцов всыплет по первое число. Такой рейс поставить под угрозу.

Он несколько секунд помолчал, потом осторожно сказал:

– Аня, все хотел у вас спросить, да неловко как-то... Не могли бы вы рассказать о вашей анатомии, физиологии и прочих деликатных вещах?

Анна, поморщившись, ответила:

– Пять томов инструкций по моему устройству в базе дан-

ных бортового компьютера. Чтение малоприятное, да и времени на него нет. Я понимаю, что вас интересует.

Она скучным голосом стала рассказывать:

– Я создана по образу и подобию своих творцов, из несколько других материалов, конечно. Проводимость нервной системы у меня гораздо выше, соответственно, и скорость ответных реакций очень велика. Емкость мозга, конечно, меньше человеческого. Однако, в силу того, что множество наследственной информации у меня отсутствует, эта емкость используется очень рационально. Кроме того, я ничего не забываю. Человек тоже, но извлечь из подсознания то, что он когда-то видел или слышал, зачастую бывает просто невозможно.

Она помялась и стеснительно сказала:

– Я очень сильна физически. Просто невероятно сильна. Отдыха мне требуется не более полутора часов в сутки. Да и это необязательно. Пищи – ничтожно мало.

Хорошо переношу перегрузки – до 24 G. Я крепкая – мой организм имеет систему внутренних тяжей, которые долгое время препятствуют разрушению в вакууме. Без воздуха могу обходиться в течение двух часов. Словом, – она невесело усмехнулась, – биоформ.

– А ваша психика?

– В каждого из нас заложен определенный психотип. Что до внутреннего мира, то тут создатели пошли экономическим путем, – она ядовито усмехнулась. – Ну, конечно, кто

же будет разрабатывать личностный комплекс для каждого биоформа? Этак он по стоимости приблизится к человеку. Я имею в виду обучение, воспитание, затраты на содержание. Поэтому в нас вкладываются обрывки чужих воспоминаний, которые, конечно, никак не могут восприниматься как свои, поскольку не привязаны к личности и лишены эмоциональной основы. Зато все пережитое нами запоминается на хорошей эмоциональной основе и служит для построения внутреннего мира. Такие способности в нас заложены. На нашу беду, кстати.

– Это отчего же?

– Вы же знаете о том, что такое комплекс неполноценности? Нам это свойственно в очень сильной степени. Наши создатели безжалостны, – в огромных глазах медленно всплыли слезы.

Александр иронически проговорил:

– Ой, ой, какие мы нежные.

Помощница сердито сказала:

– Правильно Кривцов о вас сказал: вы сухарь и формалист.

Уже совершенно серьезно Александр заговорил:

– Ваши создатели, Анна, бесконечно добрые и мудрые люди. Неисчислимо огромные количества отдельных людей, социальных групп и целых народов испытывали и испытывают жесточайшие комплексы. В том числе и тот, о котором вы говорите. Но они преодолимы, понимаете меня? Раз вы их

испытываете, значит, можете от них избавиться. Вам дается уникальный шанс совершенствоваться в духовном строительстве. Вы можете обзавестись волей, упорством и прочими, чисто человеческими качествами. Только в отличие от нас, употребить их на благие дела.

Анна пожала худенькими плечами:

– В нас заложена бездна всяких запретов. Мы не можем конкурировать с человеком.

– Запреты для того и существуют, чтобы их нарушать. Если люди решили уподобиться Творцу, пусть разрешают проблемы, связанные с творчеством.

Анна слушала очень внимательно.

– А и в самом деле, кто мне помешает стать человеком?

Командир расхохотался:

– Анна, успокойтесь, не комплексуйте, вы и так человек. Не нужно быть особенным специалистом, чтобы понять это.

Помощница долго и пристально посмотрела на него:

– Не шутите так, командир.

– Без всяких шуток. Это очень серьезно. Вас что, смущает ваше искусственное происхождение? Но многие из моих коллег, побывавших в жутких переделках, на три четверти состоят из органов, подобных вашим. И что, от этого они перестают быть людьми?

Он нервно заходил по рубке. Проклятый вопрос разрешился сам собой. У него, наконец, сложилось свое, отчетливое мнение.

– Если б вы знали, каким противником биоформов в вашем нынешнем виде я был еще сутки назад. Мое мнение изменилось на противоположное. Это произошло подсознательно – засуньте человеческую личность хоть в крокодила, он не перестанет быть человеком. Да, он будет другим, но останется человеком.

Он покрутил носом, посмеялся:

– Хотя вопрос, конечно, очень сложный. Случалось так, что люди, лишённые социума, совершенно дичали. В таких случаях чрезвычайно важны резервы духа.

Повеселевшая Анна ставила на зарядку конденсаторы накопителей.

– Не могу сказать, что вы меня убедили. Но, во всяком случае, поддержали. Спасибо.

Александр поморщился: возись теперь с тонкостями психологии биоформов. Можно было, конечно, оборвать все эти диалоги в приказном порядке, но он всегда предпочитал ладить с экипажем. Подумаешь, биоформ. Он вспомнил, как им с Кривцовым досталась на борт англичанка – совершенно сатанинская баба. Она летела на Даун-Гош с инспекцией тамошних тюрем. Переносить ее нормальному человеку не было никакой возможности, однако, они с Федорычем обработали и ее. А тут какой-то синтетический цыпленок. Он приобнял помощницу за плечи и проникновенно сказал:

– Анечка, я ничего не смыслю в психологии вообще, в психологии биоформов в особенности. Я обычный поиско-

вик, пилот-десантник, костолом. Я весь – один большой рефлекс. В штатной ситуации надлежит делать то-то и то-то, в нештатной – нечто другое, что подробно расписано в инструкциях. Так что не терзайте меня умными разговорами. А вот на Оке я знаю одну чудную бухточку. Если мы останемся оба в живых, тьфу-тьфу, конечно, то махнем туда. Представьте себе – зеленая река в оправе раки, прозрачная вода, песок и никакой психологии, никаких комплексов.

– Вы собираетесь махнуть на Оку с биоформом?

– А я никому не расскажу, что вы биоформ.

Он подмигнул ей:

– Мы будем купаться при луне нагишом.

Анна сделала чопорное лицо:

– Наглец, как вы смеете делать даме такие неприличные предложения?

Шестифутовый наглец хохотнул:

– Скажите, какая тургеневская барышня! Я всем своим дамам рано или поздно делаю такие неприличные предложения и ничего, никто не обижается.

Анна деловито сказала:

– Если вы ждете, что я от этого откажусь, то напрасно – я не такая уж дура. Принимается.

– Ну, вот и договорились.

Обстановка совершенно разрядилась и вовремя. Зазвучал трехтонный сигнал, компьютерный баритон проворковал:

– Внимание, приступаем к торможению. Первый этап, отрицательная перегрузка 2g.

Александр развернул кресло спинкой к ходу, выдвинул дублирующую приборную консоль. Начинался неприятный этап полета: торможение шло в форсированном режиме, перегрузка на конечном этапе должна была достигнуть четырех «же». Помощница только застегнула фиксирующую систему, разворот кресла проигнорировала:

– Не люблю двигаться вперед спиной. Да и приборы не видно.

Перегрузка надолго уложила их в кресла. Наконец, нудная процедура закончилась – «Зеро» подходил к стартовой позиции. Александр вновь подивился, когда Анна доложила:

– Мы точно в створе реперных маяков! Осевое отклонение – ноль.

Огромная махина корабля вползала в центр квадрата, образованного четырьмя маяками. Надо было подвесить «Зеро» в перекрестии диагоналей, скорректировать положение по матрице-шаблону, устранив разного рода небольшие отклонения.

– Ну, что же, пилот, приступайте к ориентированию судна, – сказал он, быстро отключая все механизмы, без которых можно было обойтись – во избежание гравитационных помех.

– Есть, командир! – Анна выдвинула сенсорную панель,

уложила кончики пальцев в лунки. Пилоты почти не пользовались этой штуковиной: нужно было, подобно йогу, избавиться от всех посторонних мыслей – шумы приводили в действие механизмы идеомоторики, и результаты, почти всегда, были плачевными.

Зато помощница управлялась с панелью так, что любо-дорого было посмотреть. Александр с завистью смотрел на синтетического цыпленка: поставила дискретность выхлопа на самый короткий импульс, развернула сопла корректировочных двигателей в разные стороны и заиграла на них, как на органе.

Он внимательно уставился на большой экран УАСа, куда Анна вывела проекцию с компьютера: на плоскость четырех маяков накладывалась условная плоскость корабля. Сверху еще и проекция матричного шаблона. Все три плоскости должны совпасть по нулевым отметкам.

Лицо у помощницы напряженное. Она разворачивала на экране коробку из двух первых квадратов, короткими импульсами устанавливая их строгую параллельность. Квадраты слились в одну плоскость, она стала ярко-зеленой. Подошла очередь матрицы. Здесь Анна провозилась гораздо дольше. Наконец тихонько выдохнула:

– Готово! Полное совпадение. Крен, тангаж, рысканье – по нулям. Осевое смещение – ноль.

Александр пошутил:

– Полный зеро, словом.

– Молодец! – он взглянул на секундомер – Я бы провозился в десять раз дольше.

Долго, внимательно смотрел на экран.

– Так, а теперь угол восемьдесят два градуса, поправка осевой линии по вектору угла – две десятитысячных.

Анна недоумевающее подняла на него огромные глаза:

– Это что? Что за поправка? Как вы ее обосновываете?

Александр безмятежно махнул рукой:

– Да так, пришло почему-то в голову.

Помощница встревожено посмотрела на него:

– Вы вполне здоровы, командир?

– Вполне, вполне. Вносите поправку.

Девчонка разъяренно прошипела:

– Такое отклонение составит огромное расстояние. Я категорически против. Уже даже из-за того, что ваши действия лишены какого-либо разумного объяснения.

В упор, глядя на нее, он медленно проговорил:

– Я не обязан вам ничего объяснять. Я командир, и отвечаю за свои действия.

Сжав зубы, она процедила:

– Как прикажете, командир. Но я вынуждена заявить протест и внести его в бортовой журнал.

– Это ваша обязанность.

Она щелкнула переключателем и деревянным голосом проговорила:

– Четырнадцатое июня, девяносто восьмого года, во-

семнадцать сорок семь по Гринвичу. Легкий прямоточник Управления дальнего поиска «Зеро-510», командир Александр Славин, помощник Анна Залевски. Стартовая система маяков сто двенадцатого коридора. Время старта – девятнадцать ноль-ноль плюс три минуты. Помощник заявляет официальный протест против необоснованных действий командира относительно введения осевой поправки судна в две десяти тысячных по вектору угла в восемьдесят два градуса.

Бедная девочка, опустив голову, пробормотала:

– Ступайте в амортизатор, командир.

Александр вздохнул:

– Нет. Работа насосных систем может вызвать непредвиденные отклонения. Я стартую без амортизатора.

Анна с ужасом посмотрела на него:

– Вы самоубийца! Человек не в состоянии перенести джамп.

– В состоянии, в состоянии. Я уже раз пять переносил. Очень тяжело, но возможно. Введите мне стимуляторы сейчас и сразу после финиша.

Анна, не вставая с кресла, дотянулась до аптечки, достала шприц-тюбик и, перегнувшись, всадила ему иглу в предплечье.

Он подышал носом, ощущая болезненное возбуждение и мучительное желание разорвать себя на части – начинал работать стимулятор.

Собравшись, произнес:

– Старт!

Анна протянула руку к панели джамп-режима, откинула прозрачный предохранительный колпачок с большой зеленой кнопки и нажала ее.

Очертания рулевой рубки стали рассыпаться. Александр еще отчетливо видел отдельные детали картины: ряды дисплеев, сияющих путаницей схем, пятна сигнальных транспарантов, красные стоп-лампочки отключенных агрегатов. Но связать это все в целостное полотно уже не мог – начинался распад личности. Это было самое ужасное – хуже смерти. Смерть мгновенна, короткая агония в счет не идет. Здесь же ты отчетливо ощущаешь, как ты весь разрушаешься, таешь, словно обмылок в воде. Физической боли никакой не было, но все, что от него оставалось, заполнял животный страх. Наконец и он стал исчезать. Все кончилось.

Очнулся он оттого, что кто-то безжалостно и сильно бил его по лицу. Он зашевелился, пытаясь уклониться от побоев. Оплеухи сразу же прекратились.

Ага, значит надо приходиться с себя, иначе опять станут бить. Он попытался что-то бормотать, давая понять, что у него все в порядке. Он даже прямо сейчас обежит вокруг дома по дорожке, чтобы взбодриться и выпьет кофейку. Вот он

уже надел спортивные брюки и кроссовки, уже бежит. Откуда появилась эта яма? Он с размаху ахнулся туда и провалился в полную темноту. Там его опять начали лупить по физиономии. Да что же это за жизнь – никуда от мордобоя не спрячешься. Ну, погодите, остервенился он, я до вас доберусь. И открыл глаза.

Над ним склонилось злое и зареванное лицо Анны. Клапаны фиксирующей системы разомкнуты, комбинезон на груди расстегнут, в кожу впелись присоски кардиостимулятора. На полу вокруг кресла расставлен полный набор этих самых стимуляторов – от нейро, до лазера, воздействующего на активные точки, валяются использованные шприц-тюбики. Значит, дело дрянь.

Анна еще раз врезала ему по физиономии. Он разозлился: – Ты, мать, полегче, у тебя ручка-то как у боксера.

Помощница сквозь зубы процедила:

– Кувалдой бы тебя по маковке, да так, чтобы уже и не возиться больше. Полтора часа с тобой быюсь, герой хренов.

Он с удовольствием слушал ее ругань.

– Вот это по-нашему. А то «сю-сю, сю-сю», комплексы всякие. Однако быстро нежная девочка превратилась в бывалого десантника.

– Еще раз копыта отбросишь, я сразу полковником стану. Без всяких промежуточных званий.

– Нет, деточка, не дождетесь. Это было в последний раз, – он оборвал присоски стимулятора, – срочно нужен горячий

душ.

Попытался подняться, но рухнул назад, в кресло. Помощница легко подхватила его и понесла на руках в жилой отсек. Она действительно была невероятно сильна. У дверцы душевой кабины уложила его на пол, быстро содрала одежду и засунула под обжигающий душ.

Александр кричал от невыразимого блаженства – возвращения к жизни, возвращения личности. Анна безжалостно растирала его жесткой мочалкой – кожа начала гореть.

– Поддай парку, Анастасия.

Деревню нашу замело... – запел он.

Анна, упершись локтем в край овальной двери, вдруг зарыдала отчаянно, сотрясаясь всем телом.

– Я чуть не умерла от страха за него, – захлебывалась слезами, – а он, видите ли, песенки поет... Мерзкая волосатая обезьяна, – и стала лупить его мочалкой.

Попавшая в серьезный переплет шестифутовая волосатая обезьяна только и нашла что пробормотать:

– Волосатая... Много ты в мужской красоте понимаешь.

Она немного успокоилась. Он сжал ее щеки ладонями и крепко поцеловал в губы:

– Спасибо тебе, девочка. Ты меня спасла. Без тебя я точно бы загнулся.

Ох, как засияли ее глаза, полыхнули радостью. Одновременно в них мелькнуло отчаянное сожаление – она не имела права на ответную ласку. А шестифутовый волосатый ко-

мандир отчего-то не торопился с дальнейшими действиями. Он давно уже перестал быть всяким формалистом: в опасном занятии, которое именовалось дальним поиском, на соблюдении инструкций отношений не построишь. Здесь было нечто другое – мешал древний инстинкт, с которым сладить было невозможно. Он смущенно набросил махровый халат. С огорчением подумал:

– И куда оно все девалось – где угодно, с кем угодно, когда угодно? Впрочем, не знал бы, что она биоформ, только брызги полетели бы.

Пряча неловкость, затянул пояс халата:

– Пойди, прибери там, в рубке. А я переоденусь.

В ее глазах мелькнуло то самое выражение, которое мелькало у всех девчонок, когда ему случалось облажаться. Он болезненно закричал – да пошло все оно в задницу! Не полет, а одна сплошная проблема. Вернемся к инструкциям. Запрещены сексуальные контакты во время полетов. Тем более, с биоформами – от себя добавил он. И опять ощутил неловкость – родная десантура, при случае, клала большой прибор на эту инструкцию.

Переоделся в своей каютке. Ужасно хотелось завалиться в такую неудобную и такую желанную койку, полежать, тупо глядя в матовый подволок. Неспешно все переварить, перемолоть внутри себя.

– Ага, – усмехнулся он, – и на рыбалочку сходить. Она

как-то располагает к неторопливому перетиранию всяких проблем.

Напялил на физиономию маску непреклонного и железного начальника, важно прошествовал в рубку. В голове промелькнуло:

– И было имя ему – дурак, и облик он имел дурацкий, и суть его была она же...

Опустив глаза, уселся в командирское кресло, буркнул:

– Ориентируемся, – и сейчас же зазвучал тревожный сигнал. Компьютерный баритон сообщил:

– На встречном курсе, направление 342 градуса, дальность пятьсот, искусственное тело. Масса порядка сорока тонн, размеры определить невозможно. Искусственное сооружение, предположительно, разрушено – никаких электромагнитных сигналов не подается.

Помощница, максимально увеличив изображение, ахнула:

– Командир, да это же вышедший из строя финишный маяк!

Командир буркнул:

– Ну, маяк и маяк. А что ты здесь ожидала встретить, придорожную закусную?

– Командир, но вы вывели корабль точно в створ финишных маяков, несмотря на то, что они не работали. Если бы вы не установили свою поправку, мы бы оказались в полутора миллионах километров отсюда. Да еще и неизвестно, нашли

бы мы их.

Александр с досадой проговорил:

– Опять двадцать пять – за рыбу деньги. Я тебе, о чем толковал, а ты протест, да протест.

– Но как вы определили это? Нет таких инструментов, нет таких органов чувств, чтобы на чудовищном расстоянии точно определить точку выхода.

– Это у тебя нет. У мерзких волосатых обезьян случается.

Она рассеянно сказала:

– Извините. Но, все-таки, я нигде об этом не слышала.

– И не услышишь. Поскольку это явления уникальные, наука ими не занимается – нечего систематизировать.

Помощница продолжала таращить на него глаза.

– Как вы это сделали?

– Как, как... Откуда я знаю – как? Да ты не переживай, это явление глубоко нетипичное. Пять, от силы семь пилотов во всей Системе могут проделать такое. Я один из них. Именно поэтому меня и послали – другому здесь просто нечего делать.

Анна с горечью сказала:

– А я-то хвост расфуфырила, еще и подумала: для чего здесь люди вообще нужны? Два биоформа запросто справились бы.

– Да и справились прекрасно бы, за исключением вот этой мелочи. Однако давай за работу. Сделай-ка по-быстро-му программку – от маяка до маяка. Они хоть не работают,

но для ориентирования годятся. В матрице их положение зафиксировано, так что начинай потихоньку. Как закончишь, ступай, поешь и отдохни пару часов. Потом я сосну малость – мы должны быть как новенькие, наступает самое главное.

Урчал потихоньку путевой курсограф, время от времени подавая веселенький сигнал – отсчитывал очередную сотню тысяч километров. Стелил на экране ярко-зеленую дорожку, уходящую в черт знает какую даль.

Александр поднялся, прошел в коммутационный отсек, посмотрел на контрольные дисплеи всех систем и агрегатов. Все в норме, отклонений нет. Пошел обратно, заглянул в полуоткрытую дверь кубрика. Анна, свернувшись калачиком, лежала на стеганой обивке рундука – словно обиженный ребенок. В воздухе носился легчайший аромат духов. Вишь ты, кокетка, даже этому научилась. Любая ароматическая косметика, кстати, строго запрещалась на борту. Но помощница, как впрочем, все женщины, оказавшиеся в полете, начисто игнорировала инструкцию.

Прошел в рубку, примостился на любимом откидном сиденьце, задумался. Ожили недавние дурные предчувствия какой-то непонятной надвигающейся беды. Это накладывалось на странное, раздерганное отношение к помощнице. Он уже отчетливо понял: эта девочка притягивала его. Притяжение казалось ему противоестественным, злило, но ничего с собой поделать не мог. То, что Анна мгновенно привяза-

лась к нему, было ясно как божий день. Это почему-то тоже раздражало. Вспомнил, как перед предыдущим полетом, совершенно неожиданно захотелось ему щенка, сильно, как в детстве. Крошечный, увалистый шепард-терьер, в магазинчике на Трубной, дружелюбно повизгивая, нежно лизал ему палец. Жалко стало его до слез, так бы и сунул за отворот куртки. Пригрелся бы он там подмышкой, появилась бы в жизни привязанность. Увы, это было совершенно исключено. Тогда он испытал похожее злобное раздражение – ну что за жизнь проклятая, щенка и того нельзя завести.

Несколько раз ожесточенно потряс головой, вытряхивая ненужные сейчас мысли. Так, какое там оборудование нам понадобится? Малый каботажный челнок. «Механикус», универсальный робот, который, казалось, умел делать все – резать плазменным резаком самые прочные материалы, сверлить, взрывать, перетаскивать тяжести, работать в немыслимых завалах. Глайдерная платформа, скафандр для француза, пиропатроны для отстрела всякого металлического хлама, баллоны с кислородно-гелиевой смесью, аптечка, медицинский кокон – кто его знает, в каком состоянии научное светило...

Ему удалось еще пару часов вздремнуть. Если уж и не полный могучих сил, но относительно свежий, он уселся в командирское кресло. Протянул помощнице список.

– Давай-ка, Анюта, займемся упаковкой бота.

Анна быстро пробежала список, пожала плечами:

– Все на месте, командир. Я еще на базе от вашего имени приказала все это загрузить в бот.

– Выходит, мы летели со смещенным центром тяжести?

– Да нет, я точно все просчитала. Суперкарго базы осмотрел новую найтовку и дал добро.

Александр изумленно повертел носом:

– Мать, да тебе цены нет.

Помощница ехидно сказала:

– Начальству иногда приходят в голову светлые мысли.

– Ох, и язва ты, голубка.

Выползала на экран неяркая желтенькая звездочка, росла, заливая тусклым неживым светом рубку. Справа начал перекрывать экран узенький серп Гарпии – планетки, вокруг которой вращалась база экспедиции. Линия терминатора смещалась к центру планеты, открывая неприглядное ее лицо – все в оспинах метеоритных ударов, исполосованное эрозией, в глубоких шрамах тектонических сдвигов.

– Невеселое местечко, – размышлял Александр, – и как эти бедолаги здесь по полгода торчали?

– Вот она, – выдохнула Анна.

Из-за серовато-бурого распухшего бока планеты выползла ярко блестящая в свете карлика точка. Помощница перевела бортовой телескоп в режим автоматического сопровождения и дала максимальное увеличение.

Огромный серебряный бублик станции вращался намного быстрее, чем необходимо. Полированная поверхность его была во многих местах изгрызена разломами. Вращение было не осевым, со значительным смещением. Время от времени от станции отделялись довольно крупные фрагменты – искореженные балки каркаса, лохмотья обшивки. Отлетали, неряшливо кувыряясь в самых неожиданных направлениях.

– Плохо, ой как плохо. Хуже просто некуда, – поскреб в затылке Александр.

– Чем же так плохо?

– Очень значительный эксцентриситет из-за смещения центра тяжести. Значит, переменная гравитация. Слишком быстрое вращение, в силу которого идет интенсивное разрушение конструкции. Нет никакой гарантии, что на наши головы не свалится несколько тонн металла.

У основания каждой из четырех спиц бублика массивные цилиндры – в бронированных камерах размещалось все жизненно важное. Там были системы жизнеобеспечения, центры управления, жилые помещения, аварийные и спасательные средства. Кроме того, с одной стороны – причальные шлюзы. Где-то, в одной из этих мрачных жестянок огромного размера прятался комочек живой плоти – человек. Александр пожегся, представив себе страдания ученого: без малейшей, практически, надежды на спасение, в полном одиночестве, в бог весть, какой, не воспринимаемой разумом дали. Вот он,

ад. Да еще непонятно за какие грехи досталось.

Он отбарабанил по краю приборной консоли похоронный маршик.

– Ну что, помощница, как определить, где наш искомый находится?

Анна пожала плечами:

– Понятия не имею. Сканировать биолокатором можно только с близкого расстояния. Толщина оболочки такова, что даже прямое определение смажется процентов на шестьдесят. Да и то, если объект будет находиться в непосредственной близости у оболочки. Если в глубине блока – сканировать вообще бессмысленно.

Александр невесело засмеялся:

– То есть, имеем полное отсутствие чудес. Придется по старинке, дедуктивным методом. Итак, любой нормальный ученый, да еще имея в своем распоряжении такие потрясающие результаты, станет дневать и ночевать возле этих самых результатов. Ну-с, скажи-ка мне, Анюта, где находится группа синтеза?

– Правая сторона по вращению, блок № 2.

– Вот это и есть точка наших интересов. Готовь бот, а я схожу, – он замылся, – бельишко переменю.

Помощница удивленно взглянула на него;

– Это еще зачем?

Александр неохотно сказал:

– Обычай такой: перед опасным делом положено белье

сменить. Мало ли что может случиться... Одним словом, перед Господом надо в приличном виде предстать. Традиции этой уже много столетий. Раньше моряки ее тщательно придерживались, теперь космонавты, астронавты и прочая летающая братия.

Помощница серьезно посмотрела на него:

– А мне тоже надо?

Александр чуть было не ляпнул – тебе не обязательно. Во время спохватился и тоже очень серьезно сказал:

– Положено всем: верующим и неверующим, православным, мусульманам и буддистам. Командующим и простой техноте. Всему экипажу.

Бедный синтетический цыпленок, почти счастливый от приобщения к важнейшим человеческим делам, полетел менять трусики.

В выносном ангаре расположились десантный бот и спасательная капсула. Еще одна находилась непосредственно в корпусе корабля, в бронированном отсеке – на самый крайний случай. Тупоносое тело бота с треугольным крылом и скошенным вертикальным оперением висело над люком. Рядом примостилась капсула. Шлюзов не было. Собственно, сам ангар и был шлюзом. Это представляло большое неудобство, но размеры корабля не позволяли иметь автономные шлюзовые системы.

Во входном коллекторе в нишах подвешены скафандры.

Александр, сопя, вколачивал ноги в плотно сидящие сапоги. Анна держала наготове верхнюю часть. Можно было, конечно, и самому одеться, но ему было почему-то приятно. Просунул руки в скользкую подкладку, помощница стала застегивать молнии, встретилась с ним взглядом. Вновь выползла острая тоска. Он, не долго раздумывая, стал целовать ее закинутое лицо. Нежно запустил пальцы в крупные кольца волос – давно хотелось это сделать. Анна вначале растерялась, потом робко стала гладить его по щеке – щенок, наконец, примостился под курткой. Он с трудом оторвался – ах, как все не вовремя. Еще раз поворошил ей волосы:

– Одевайся, голубка.

Она помогла присоединить шлем, потом нырнула в свой скафандр, сноровисто застегнулась, надела шлем. За остеклением вспыхнули оранжевые огоньки индикаторов, осветив ее сияющее лицо.

Ужасное предчувствие свело ему грудь судорогой. Он тяжело, прерывисто задышал, лицо исказилось. Пронзительно пискнул тревожный сигнал, засветилась ярко-красная точка на запястье. Анна настраивала радиосвязь, встревожено взглянула на него:

– Что с вами, командир?

Он пробормотал:

– Ничего, это сейчас пройдет, – и вышел из отсека.

Пошел по короткому подвесному мостику к носу челнока и стал спускаться по лесенке в открытый верхний люк. С тру-

дом протиснулся через маленькую шлюзовую камеру, влез в пилотскую кабину. Чертыхался сквозь зубы, упаковываясь в кресло. Господи, какая теснота! Для кого они там конструируют эти проклятые летающие калоши? Должно быть, для пигмеев. Ах, вон для кого – Анна ловко скользнула в правое кресло и уже застегнула привязные ремни.

Пока он сопел над центральным замком привязных ремней, помощница подсоединила коммуникации к его скафандру – воздух, интерком, бортовое электропитание и компьютерный порт.

Разнежено сказал:

– Солнышко, я без тебя летать больше никуда не стану. Как приятно иметь персональную нянечку.

Солнышко счастливо засмеялось.

Вспыхнули теплым оранжевым светом боковые фонарики, ярко и красиво засветились дисплеи на приборной доске. Бортовой компьютер хриплым боцманским басом произнес:

– Я приветствую вас на борту славного клипера, имя которому «Нэн – короткая рубашка». Если у вас не хватает собственных мозгов, положитесь на меня – я выручу.

Александр процедил:

– Шутники, мать их, – и отключил спикер.

Тот на последнем издыхании зарычал:

– Ты что же это делаешь, каналья! Линьков захотел?

Анна фыркнула. Александр буркнул:

– Это Харперс все в игрушки играет. Свихнулся на пират-

ских романах. Найди в меню озвучку и поставь установку по умолчанию.

Повозился в кресле, устраиваясь поудобнее.

– Ну что, Анечка, стартуем. С Богом.

Включил дистанционное управление, двинул рычаг открытия створок донного люка. Неприятный металлический голос проговорил:

– Внимание, воздух из ангара не откачан. Ситуация не аварийная, откачайте воздух.

– Ну и голосок у тебя стал, братишка. Теперь я понимаю старину Харперса, – и отключил блокировку. На долю секунды в отсеке забушевал снежный вихрь – вырвался воздух из открывшегося люка. Заработавший механизм суппорта выдвинул челнок из ангара. Вползла в остекление кабины дуга горизонта планетки, заполнила половину мира бурой плотью.

Александр включил бортовую станцию наведения, поймал в перекрестие ослепительную точку, уходящую за горизонт. Двинул вперед сектор маршевого двигателя – челнок сошел с направляющих. Медленно и аккуратно сманеврировал, совмещая метки на экране, и добавил мощности двигателю. Точка стала увеличиваться, вырастать в размерах. Чуть добавил газу, и вот уже изодранная обшивка станции с торчащими обломками внутренних конструкций заполнила большую часть пространства впереди.

Так, господа мои, свернем налево, посмотрим шлюзовые

входы. Все мертво, сегменты шлюзов закрыты. А что вы, командир, ожидали увидеть? Да примерно это и ожидал. Делать здесь, конечно, нечего, однако посмотреть было необходимо. Ну-с, теперь малость отстанем и направо, придется изворачиваться с другой стороны.

Анна спросила:

– Командир, мы разве не будем шлюзоваться?

– Нет, здесь не будем. Механизмы обесточены и, наверняка, заблокированы.

– Мы можем подключить к внешнему разъему питание от челнока. Там есть аварийная панель – можно открыть створки снаружи.

Командир помолчал и неохотно проговорил:

– Это, конечно, можно сделать. А теперь, представь себе, мы вошли. Длина левой части барабана почти сто метров. Наверняка внутренние конструкции обрушены – мы упадем, пока сквозь них продеремся. Да еще в перегородке между отсеками вторая дверь, ее как открывать? И все эти тяготы только из-за того, что мы с относительным комфортом пристыкуемся к этой консервной банке.

Он осторожно маневрировал над правой частью барабана. Основания спиц вроде бы не пострадали, по крайней мере, снаружи.

Анна в замешательстве спросила:

– Как же мы прикрепим челнок с этой стороны?

Командир не удержался и съехидничал:

– Ты же, вроде, считала, что вполне справилась бы без людей? Вот и думай голова – картуз куплю.

Девочка очень серьезно сказала:

– Я самонадеянная дура. Я ничего не умею и даже не знаю, как подступиться к решению такой сложной задачи.

Александр вел челнок в опасной близости от медленно поворачивающегося бублика станции. Он уже просчитал варианты действий и рассеянно ответил:

– Не впадай в крайности. Всему нужно учиться. Через пару лет будешь эти задачки щелкать как орехи.

Медленно уходила вниз серая бесконечная поверхность цилиндрического ангара. Проплыла продольная техническая магистраль с искривленными поручнями и парой брошенных второпях роботов-ревизоров – они сиротливо торчали на покатам склоне. Видимо аккумуляторы их сели окончательно, один из них медленно оторвался, и, кувыряясь, стал уходить в черноту. Аварийный маячок мигнул неохотно пару раз и погас – бедолаге предстояло долго крутиться вокруг Гарпии, потом оставить на ее поверхности очередную оспину.

Командир откашлялся:

– Экипаж, слушай задачу. Берем на бордаж эту развалину. В боковой части нужного нам блока есть выход – небольшой шлюз для техников. Через него попадем внутрь с наименьшими затратами. Металл ангара немагнитен и это, ко-

нечно, очень плохо для нас. Я подгоню корабль к месту стыковки. По моей команде выстрелишь два высоковольтных осевых электрода – они надежно приварят нас к корпусу. Потом лебедками подтянем челнок вплотную, надежно зафиксируем. Ты с ранцевым двигателем летишь к шлюзу и через внешнюю панель открываешь его. Барахло свое укладываем в контейнер. Надо взять самый малый диаметр, чтобы прошел в люк, да хоть нулевку. Оставишь у входа маркер для робота – нечего с ним нянчиться, пусть сам себя доставляет. Ну, с богом!

Началась работенка, господа мои. Александр чувствовал прилив сил, где-то глубоко внутри зашевелился маленький азарт. Шевелись, шевелись, если ты маленький, то только на пользу. Даже маршик какой-то начал выдувать на губах. Тихонечко, остороженько подогнал челнок почти вплотную к основанию огромного цилиндра, он уже уходил, проваливаясь вниз. Ничего, ничего, други мои, это все равно не наш.

– Анна, нижний обзор на экран.

Помощница включила нижнюю телекамеру, серая поверхность медленно ползла мимо объектива.

– А вот и наш голубок выползает. Анята, приготовься!

Молодчина, ей два раза говорить не нужно – пульт с гашетками уже в руках.

– Залп!

Челнок ощутимо трянуло, сработали пиропатроны элек-

тродов. Сейчас же экран нижней камеры осветился ярчайшей двойной вспышкой. На пульте, что был в руках у Анны, мигнул веселый зелененький огонек и раздался довольный писк. Схвачено!

– А теперь, солнышко, включай лебедки и остороженько, аккуратненько швартайся к этой лохани. Да смотри мне, без перекосов. Не забудь крепежные упоры выпустить. Проверь пиропатроны лебедек. Думаю, при возвращении придется их отстрелить, возиться некогда.

Кораблик надежно притянут тросами к поверхности ангара, плотно уперся в металл стойками упоров. Вышли через носовой люк-трап. Александр довольно пробормотал:

– Люблю садиться с комфортом.

Помощница фыркнула, с юмором у нее было все в порядке.

Из открытых створок донного люка выплывал цилиндрический контейнер со снаряжением, сила тяжести была невелика, но массу никуда ведь не денешь. Пришлось подстраховывать вдвоем. Помощница застегнула на поясе карабин страховочного тросика от контейнера:

– Я пошла, командир?

– Давай, Анечка, давай. Сразу ставь маркер, а я отправлю робота – понадобятся аккумуляторы.

Вырвались слабенькие выхлопы из дюз ее ранца, белая неуклюжая фигурка поплыла за серый горизонт.

Александр осторожно выволок за стропу Механикуса, открыл на его горбу лючок и активировал робота. Замигали ходовые огни на металлическом корпусе, вспыхнул контрольный дисплей, остро мигнул красный луч лазерного дальномера: старина Механикус ожил. Взвыли в его утробе гироскопы, робот принял вертикальное положение – короткие ноги с огромными прямоугольными ступнями покачивались над металлической поверхностью. Длиннющие руки, заканчивающиеся сложными приспособлениями, висели мало не до пят.

Мягким тенорком робот проговорил:

– Здравствуйте, Александр. Я готов к выполнению задания.

– Давай, старина, бери контейнер и дуй на маркер. Поможешь Анне открыть шлюз.

– Принято, выполняю, – Механикус загнал штифты автостропа в отверстия контейнера, и сцепка тоже ушла за серый металлический горб.

Александр закрыл люки, активировал на всякий случай внешнюю панель, включил ранцевый двигатель. Привычно, сделав легкий мах ногами, принял горизонтальное положение и поплыл над серебристо-серым металлом.

У технического шлюза работа кипела. Помощница уже открыла люк и висела над входом. Старина Механикус, сменив точку захвата, осторожно толкал контейнер в люк. Анна

покрикивала на него:

– Ты что, не чувствуешь, что контейнер трется о настил? Приподними его. С твоей стороны на панели есть выключатель фары, зажги ее. Шагу сам не сделаешь.

Александр внутренне посмеялся: тоже, черт возьми, начальство! Белая фигурка исчезла в провале люка.

Наплывал черный круг входа, в нем метались пятна света. Выключил двигатели, привычно схватился за скобу, запястье ощутимо дернуло. Анна двинулась было запирать вход.

– Не нужно, воздуха там все равно нет. Да и опасно – кто знает, что нас ждет. Так что лучше держать вход открытым.

Помощница проскользнула к внутреннему люку, вставила разъем силового кабеля робота в гнездо – створки неохотно разошлись. Александр скомандовал:

– Всем назад! Я иду первым, – и прошел к входу.

Сила тяжести была ощутимой. Луч фонаря обежал просторный тамбур. Салатного цвета стены покрыты изморосью, слепо блеснули панели аварийных люминофоров – при абсолютном нуле не хотели идти никакие химические процессы. Слева обычная лестница вела на верхний уровень. В центре массивные створки входного люка в герметической переборке. Вход к нему завален металлической рухлядью – обломками шахты пассажирского лифта. Остатки его каркаса неряшливо свисали с потолка и торчали из пола.

Анна тем временем выдвинула из контейнера штатив и

включила мощный бестеневого фонарь – тамбур ярко осветился. Александр кашлянул:

– Мех, старина, давай-ка резачок. Готовь обломки так, чтобы прошли в технический вход. Ты, Анечка, крепи к ним пиропатроны, а я спроважу их к чертовой бабушке – обратный путь должен быть чистым.

Вспыхнул ослепительный лучик плазменного резака, за клубился бурый дым. Механикус работал, как и должно роботу, быстро и безошибочно. Помощница наладилась было схватить кусок трубы, отрезанной роботом. Александр резко ударил ее по руке:

– Не смей ничего брать руками! Хочешь скафандр прожечь? Манипулятор справа в ранце.

Анна благодарно взглянула на него:

– Спасибо, командир, – и натянула на руку металлическую рукавицу манипулятора.

Александр порядком взмок – система кондиционирования скафандра уже не справлялась с нагрузкой. Он подтаскивал тяжеленные железки к выходу и активировал пиропатроны. Обломок, ширкнув огненным хвостом, уносился в бесконечность.

В телефонах раздался мягкий голос робота:

– У входа биомасса. Александр, взгляните.

Помощница, как всегда, оказалась первой. Она посмотрела на пол и охнула:

– Что это?

Александр подошел, посмотрел. У самого комингса люка лежал какой-то мешок. Он сразу понял, что это за мешок. Очень осторожно перевернул его – покрытое изморосью лицо исказилось смертной мукой. На нагрудной нашивке значилось: «Джейкоб Р. Макферсон» и код группы. Он пробормотал:

– Царствие тебе небесное, Джейк. Пусть тебя Господь пахнет на пажитях своих тучных и водит к водам тихим.

У Анны глаза сделались в поллица, ее трясло так, что видно было даже через скафандр. Он прикрикнул:

– Не рассиропливайся! Мы здесь найдем еще двадцать три таких бедолаги.

Про себя подумал: а может двадцать четыре. Потом мягко сказал:

– Это всего лишь труп. Упаковка, в которой был человек. Анна дрожащим голосом спросила:

– Со мной тоже может быть так?

Александр хмыкнул:

– Вполне. Со всеми нами такое может быть вполне. Ты разве не знала об этой основной человеческой привилегии: жертвовать жизнью ради дела, ради товарища, ради любви.

– Ради любви?

– В том числе. Ты что, думаешь, люди в игрушки играют? Это биоформы выдуманскими комплексами маются. У нас все всерьез.

Он осторожно сдвинул труп в сторону.

– Попытаемся открыть люк. Мех, дружище, подключись к сервоприводу, может, цепи управления не повреждены.

Робот подключился к разъему. Раздался короткий вой, створки люка дернулись. Все было ясно без слов – перегородка деформировалась, и створки заклинило.

– Попробуй-ка, старина, вручную. Надежды никакой, но проверить надо.

Робот выдвинул из своей бесконечной руки револьверную головку, подобрал насадку и вставил ее в разъем ручного привода. Короткий вой, гудение, замигал алый транспарант на нагрудном дисплее Меха. Все ясно – дальнейшие усилия безнадежны.

Анна робко сказала:

– Может быть, стоит попробовать резаком?

– Ага, двадцатисантиметровые створки резаком. Энергии хватит аккурат на одну дырку.

Он ненадолго задумался.

– Поднимаемся на верхний этаж. Там нет бронекоробки. Смотровая палуба, бассейны, спортзалы. Если повезет и не будет серьезных завалов, вскроем один небольшой люк, ведущий на нижний уровень. Пошли.

По лестнице взбираться не стали – включили ранцевые двигатели. Долго протискивались сквозь узкую дверь, пришлось срезать часть переборки.

Огромное пустое пространство перечеркнуто потолочными фермами. В смотровые окна, покрытые морозными узорами, сочится тусклый свет восходящего карлика. Темно, пусто, страшно – леденеет сердце. Первая от входа потолочная арка повисла на полпути к полу, потащив за собой часть облицовки и обнажив бесчисленное множество коммуникаций и кабелей. Опасно, ох, опасно повисла фермочка. Вперед, вперед, мимо бассейнов, полных вспененным льдом, мимо покосившихся гимнастических снарядов, мимо стеклянных мумий в плавках и купальниках. На них уже не смотрели: внутренние часы отчетливо отстукивали оставшееся короткое время, сжималось сердце – не успеет. Ужасный звенящий скрежет проник через безвоздушное пространство, через скафандры. Висящая сзади ферма ощутимо сползла вниз. Анна на бегу спросила:

– Что это, командир?

– Это плохо, Аня, ой как плохо. Деформируется корпус. Скоро он начнет разваливаться – тогда конец.

Мимоходом подумал:

– Хорошо, что завалов нет, сколько времени сэкономим. Слукавил, ох, слукавил Николай – вдвоем управитесь. Армаду действительно ни к чему сюда посылать, а вот пару-тройку корабликов – стоило. Да человек двадцать тертых мужиков. И дело бы пошло быстрее и не так страшно. Среди своих всегда веселей. Впрочем, Николай не сам такие вещи решает. Это даже не свои, это кто-то из высоких политиканов

решил показать, какие мы молодцы: наши ваших шапками закидают. Мать их...

Анна поминутно останавливалась, поджидая командира — он заметно уставал, действие стимуляторов заканчивалось. Как он вообще все выдерживает, слабый, неловкий, незащищенный. Он первый из людей, который отнесся к ней, как к человеку, зная, что она биоформ. Она вспомнила его горячую, словно уголь, руку на своем плече. Тогда у нее внутри завертелся огромный смерч, на секунду она потеряла способность думать. Кривцов тоже приятный мужчина, он ее немножко взволновал. Но он шутник, не более того. Она отчетливо ощущала внутри него непроходимую для себя границу. Александр метался и мучился оттого, что у него этой границы не было, это его угнетало. Она понимала, что это нормально, так и должно быть. Слишком уж они чуждые друг другу создания. Потом, когда она увидела, что он не приходит в себя после джампа, у нее все внутри заледенело от неиспытанного никогда ужаса. Она поняла, что все ее существо с такой недолгой и странной жизнью уже влилось в него. Если он умрет, она тоже не сможет жить. Это было непонятно, но о причинах такого знания она не задумывалась. И еще точно знала, что не может умереть, не увидев еще раз его неохотную улыбку, не услышав его дурацких шуточек, не ощутив на плече огненную руку. Она билась с кардиостимулятором, вонзала тонкие электроды в активные

точки, подключила импульсный генератор и вкатила ему целое ведро разных препаратов – все было без толку. Ей мучительно хотелось жить, в полном отчаянии она стала бить его по лицу.

Она не знала, что огромное желание часто вытаскивает людей с того света...

Маленькая куртинка с бывшими растениями ошетичилась шипастыми сюрреалистическими формами – кристаллы льда взорвали плоть листьев. Александр тупо разглядывал застывшие ледяные композиции. Потом спохватился, немножко попыхтел носом, восстанавливая мозговое кровообращение. Толку от этого было мало, вселенская слабость медленно, но неотвратимо тащила в забвение. Он вяло сказал:

– Давай-ка, Анечка, вкати мне дозу «быка». Я совсем расклеился.

Анна испугалась:

– Командир, ваш организм перенасыщен стимуляторами. «Бык» уложит вас на полгода в постель.

– Наплевать, главное – выполнить задачу.

– Вы можете стать инвалидом.

– Что будет потом – несущественно. Валяй.

Анна неохотно набрала код на его наручном дисплее. Потом резко нажала на коробку инъектора, спрятанного внутри

скафандра на правой ягодице. Три, четыре, черт его знает, сколько выскочивших игл, впилося ему в задницу. Он дернулся:

– Не люблю уколов.

Посидел минуты четыре, ощущая, как наливается силой и энергией измотанное тело.

– Вперед, голубка.

В конце огромного зала находился аварийный шахтный люк. Он оказался открытым – рядом лежало четыре трупа. Пятый висел внутри на скобах. Александр осторожно вытащил его за ворот комбинезона, зацепил случайно за горловину. Ткань мгновенно наполнилась ледяной крошкой, отскочившая голова разлетелась в пыль. Чертыхнувшись, стал спускаться в шахту.

Там было темно как в погребе. Луч фонаря метался по серым металлическим стенам. Переходник был коротким – метра четыре. Александр ступил на узкую кольцевую площадку, окружавшую внутренний люк. Слава богу, он тоже оказался не заперт. Хотя та небольшая выгода, доставшаяся им от открытого входа, послужила причиной смерти для тех, кто оказался внизу. Охваченные паникой люди с верхней палубы, не сообразили сразу бежать к этой шахте. А время, вероятно, было – разлом верхнего кожуха в результате деформации не был большим. Вполне бы успели добежать, и шахта вместила бы всех. Вдобавок снизу открыли люк, не убедившись, закрыта ли крышка верхнего. Впрочем, чего ожидать

от ученых, прошедших минимальную подготовку для работы в космосе.

Он спустился в нижний люк. Луч фонаря мазнул по трафаретной табличке на пяти языках: «Внимание! Аварийный шахтный шлюз только с ручным управлением! Перед использованием люков следите за показаниями электронного табло или механических указателей. Блокировка отсутствует! Будьте осторожны – от этого может зависеть ваша жизнь».

Александр пробормотал:

– Нашли, что штафиркам поставить. Они и при автоматическом приводе умудряются голову между створками засунуть.

Спускающаяся следом Анна поинтересовалась:

– Что не так, командир?

– А вот видишь, к чему приводит несоблюдение инструкций и слабое знание материальной части.

– Вы так дело поворачиваете, будто только по их вине это все и произошло.

Александр вздохнул:

– Все понятно. Да ведь могли бы в живых остаться. На этой лоханке три челнока, не говоря уже о спасательных капсулах.

Вход на внутренние палубы был заблокирован. Александр сказал:

– Нашлась хоть одна умная голова. Это, конечно, наш физик. Сам-то жив еще или нет?

Нагнулся, тщательно осматривая массивные сегменты входа.

– Ну, дай-то бог, чтобы вход не был поврежден. Мех, старина, пошевели-ка эти дверцы.

Робот послушно подсоединил револьверную головку с торцевым ключом. Она быстро завертелась, створки стали расходиться, открывая бесконечную черноту коридора. Александр приблизил голову к Анне так, что столкнулись стекла шлемов. В полумраке блестели и переливались отражения индикаторов в ее огромных глазах.

– Ну что, Анечка, начинается самое главное. «Встал, подперся двоерогим посохом, стою бодро».

– Откуда это?

– Да так, из древних мемуаров. Был один человек, вроде нас с тобой. Только он хотел, бедолага, всю Россию спасти. Будем жить?

– Будем, командир.

Мощный бестеневой фонарь освещал только небольшой участок светло-серых стен. Бесконечные двери с обеих сторон коридора терялись в мрачной перспективе. Александр рванул ближайшую – массивную, стальную с каким-то головоломным шифром в синей рамке. В небольшом помещении стеллажи с увесистыми, видать, контейнерами. И ниче-

го больше.

Анна просунула голову в дверь:

– Что там, командир?

Широкоплечий и статный, вконец расстроенный командир, пробурчал:

– Здесь то, что один обалдуй так долго искал. Правда, здесь нет главной принадлежности – человека.

Анна секунду смотрела на крупные цифры на боковых стенках контейнеров. Прикрыла глаза, соображая.

– Да, здесь информация, но черновая – описание экспериментов, данные, дневники, наброски, замеры и прочая научная рутина. Они сохраняли решительно все.

– Солнышко, это я прекрасно знаю. По-твоему, я предполагал, что наш французик сидит где-то на ящиках и ждет, не дождется нас. Понятно, он должен где-то укрыться. Но где?

– Чем же занимались аналитики на Земле? Они же должны были предоставить информацию о возможных местах укрытия человека.

Александр тяжело вздохнул. Как объяснить биоформу чудовищное сочетание высочайшего гения с непроходимой глупостью?

– Мы с тобой, Анечка, сейчас и аналитики, и спасатели, и начальство, и подчиненные. В старину говаривали: швец, жнец и на дуде игрец.

Они миновали отсек рабочих помещений, лабораторий, набитых невероятно сложной аппаратурой. Девять десятых

многочисленных дверей были опечатаны – вся, практически, станция готовилась к огромной перспективной работе.

Александр размышлял:

– Если они в количестве двадцати четырех человек вернули техническую революцию в Системе, что было бы, если бы этот бублик заработал на полную мощность, со многими тысячами человек персонала, для которых он был предназначен? Впрочем, ему уже не работать. Хотя люди хуже тараканов – если уж они унюхали, чем тут дело пахнет, непременно вернуться. И еще не один десяток яйцеголовых погибнет здесь во имя технического прогресса. И не один Сашка еще будет рисковать собственной шкурой, вытаскивая кого-то из искореженного металлолома.

Что-то с ним было не так. Он на несколько секунд провалился в глубину своих мыслей, которые казались ему необыкновенно важными, значительными и всеобъемлющими. Анна тронула его за рукав. Она эти несколько секунд, в отличие от командира, напичканного наркотиками, занималась делом, изучая дисплей наручного компьютера.

– Командир, дальше такие же рабочие помещения. Без всяких дополнительных мер защиты. Вот здесь, – она придвинула к нему дисплей, – довольно большое фойе. Телевизор, велотренажер, кофеварки – стандартное место отдыха. За ним медицинский отсек. Он в десятки раз превышает по размерам обычную амбулаторию. Собственно, амбулатория действительно обычная, но за ней – десяток операционных,

госпиталь, реабилитационный центр.

– Ну и что? Девяносто семь процентов станции законсервировано.

– Дайте договорить, командир. Перед операционными, – она придвинула к нему запястье с дисплеем, – очень большое помещение со всякими крупными установками. Вот этот цилиндр, длиной в восемнадцать метров – это что такое? Химический реактор, теплообменник – ничего подобного не должно быть в медицинском отсеке.

Александр внимательно вглядывался в маленький цветной прямоугольник.

– Все зависит от того, чем господа генералы планировали здесь заниматься.

Он довольно долго всматривался в изображение.

– Разверни-ка в трехмернике.

Присвистнул:

– Да это же барокамера. Анечка, ты гений. Огромная помещительная барокамера, с внешней и внутренней изоляцией. Абсолютная герметизация, все системы жизнеобеспечения. Полностью автономные, заметь. Со своими запасами горючего, генераторами, запасами кислорода, скаффандрами, водой и харчами. И аварийным бумом, между прочим. Там можно отсиживаться до полугода. Куда ж ему деваться? Здесь он. Сидит и в ус не дует.

Анна недоумевающе спросила:

– Но для чего здесь нужен такой аппарат?

Командир вяло махнул рукой:

– Кто их знает, господ генералов. Может, эта барокамера предназначена для каких-то исследований, а может – просто как спасательная капсула. В любом случае они оказались дальновидными.

Здесь разрушений практически не было, только беспорядок – разбросанные кристаллы с записями, листы бумаги, справочники. На синтетическом ковре – какой-то плюшевый звереныш и пудреница. Кофеварка ощутимо покосилась. На всем серо-серебристая в лучах фонарей изморось – трагический налет смерти. Хотя трупов здесь не было.

Прошли стандартный медотсек, с набором медицинской аппаратуры. Анна вошла в одну из внутренних дверей, удивленно охнула. Александр протиснулся следом и присвистнул: следующее помещение было размером с хороший ангар. Вдоль стены улегся огромный, крытый белой эмалью, цилиндр. Один из его иллюминаторов светился неярким желтоватым светом.

– Вот он, наш голубок. Жив ли еще?

Александр притиснул остекление шлема к иллюминатору. У противоположенной стены за небольшим откидным столиком примостился человек в рабочем комбинезоне, склонил лысую голову над экраном компакта и с пулеметной ско-

ростью что-то печатал. На плечи наброшена меховая куртка, на ногах домашние меховые полусапожки.

Он постучал в стекло. Лысый человек даже не вздрогнул, поднял лобастую голову, взглянул на иллюминатор. Лицо сильно сжатое с висков скуластое, худое. Смотрел пристально, холодно. Ни малейшего страха, растерянности, следов внутренней борьбы.

Александр пробормотал:

– Вот это личность. Десантура многое потеряла в лице такого парня, нам бы его. Даже выбрит как бильярдный шар. Учись, Анечка, самообладанию.

Анна сердито сказала:

– Научусь, если дашь на него взглянуть. Загородил все как шкаф.

Он потеснился. Анна восхищенно сказала:

– Какой сильный человек!

Командир, слегка разочарованный в своих ожиданиях, пробормотал:

– Сильный, сильный. Сейчас еще выговаривать начнет за то, что опоздали. С такого станется, – и приглашающе махнул рукой: давайте-де, господин доктор, пожалуйста на выход.

Куртье кивнул, не спеша, закрыл компакт, упаковал его в герметичный футляр. Вышел в дверь в переборке, сейчас же там вспыхнул иллюминатор. Александр перешел к нему. Доктор так же неспешно поднял шторку шкафа, снял скафандр и ловко влез в него. Застегнул молнии, бережно

водрузил на голову шлем, затянул рычаги замков. Постоял неподвижно несколько секунд, выжидая пока заработают системы жизнеобеспечения. Потом вложил футляр с компактом в наколенный карман и вошел в шлюз.

Через пару минут сервопривод медленно открыл входной люк, внутренность переходника осветилась ярким белым светом. Неожиданно весело и радостно вспыхнула нежно-зеленая эмаль стен – странный фрагмент иной жизни в мире мрака и холода. Доктор толчком ноги подогнал к комингсу два стандартных небольших контейнера – они были установлены на роликах. Легко перескочил порог. В телефонах раздался его глуховатый голос:

– Здравствуйте, я уж заждался.

Прозаичность встречи поразила Александра. Ну и выдержка у человека! Кусок льда. Он, видите ли, заждался. Хоть бы улыбка, дружеские интонации. Взрыв, ругань – и то хорошо. Ну, бог с ним. Главное, жив-здоров и в отличной форме. Пробурчал:

– Здравствуйте. Чертовски сложно было до вас добраться: система финишных маяков выведена из строя полностью. Да и здесь тоже не мед – станция разваливается на глазах. Меня зовут Александр Славин, это моя помощница Анна Залевски. Поспешим, доктор. У нас времени почти не остается. Мех, старина, брось наши припасы. Они, к счастью, нам не понадобятся. Соедини контейнеры в блок, укрепи у себя на корпусе – сейчас это самое ценное.

Ледяной доктор проявил какие-то признаки жизни:

– Скажите, – он слегка запнулся, – вас что, всего двое?

Александр коротко ответил:

– Да.

– Боже мой, но почему? Такое ответственное и опасное дело, и всего двое. Что у них, черт возьми, денег, что ли нет?

Александр разозлился:

– Доктор, мы спасем вашу драгоценную персону вместе с вашим драгоценным научным дерьмом – можете не волноваться. Вам что, почетный караул нужен?

Тут же перекосячился от злобы на себя: распустил нервы, как институтка. Помолчав, выдавил:

– Простите, доктор. Обстановка не располагает к нежностям. Что до состава нашей экспедиции – его, как вы понимаете, определяли на самом верху, к нему и претензии.

Железный француз неожиданно злобно скрипнул зубами:

– Это проклятые комиссаришки из Управления по высшим связям виноваты. Их рук это дело. Наверняка, деньги Советом корпораций были выделены огромные, а чиновная сволочь благополучно растащила их.

Александр испытал нехорошую радость от вспышки ученого и с удовольствием процитировал:

– «Не Бог сотвори комиссара, но бес начерта его крючком не песци». Комиссары во все времена отличались дурным нравом, вы не находите? Однако поторопимся.

Выбравшись из относительно целой бронекоробки, Александр был поражен изменениями на прогулочной палубе. Ближайшая арка рухнула, но слава богу, удачно – одним концом. Что было дальше непонятно, поскольку свет фонарей не мог пробиться через путаницу металлического хлама. Шпангоуты просели, внешний корпус треснул. В причудливо изломанной щели медленно поворачивалась бурая туша Гарпии. После мрака, с трудом разгоняемого фонарями, свет ее был ослепителен. Он на секунду задумался: черт его знает, что впереди?

Анна дотронулась до его руки, выжидающе посмотрела. Он откашлялся:

– Дело дрянь, господа. Что впереди, абсолютно неясно – запутаемся в хламе, как муха в паутине. В щель бы выбраться, но она узка. Да и неизвестно как будет деформироваться металл, а то еще и зажмет. Как видите, вариантов – кот наплакал. Посему я принимаю решение – идем по палубе. Вперед.

Пошли. Изменение гравитации в результате смещения оси становилось все ощутимее, двигаться в таких условиях было тяжело. Под первой аркой прошли благополучно. Мех, словно бульдозер, расчищал тропинку среди мусора. Со второй аркой дело было гораздо хуже – она опускалась целиком и висела в паре метров над полом. При этом она тащила за собой потолочную обшивку и оборванные коммуникации. Александр заорал:

– Бегом! Мех, снимай контейнеры и придержи арку, пока мы не проскочим.

Робот мигом снял контейнеры. Анна дала по ним ногой, они, неряшливо подпрыгивая, умчались вперед. Мех встал под массивную трубу нижней части арки, она оседала все ниже, изгибаясь на квадратных плечах. Анна и Куртье проскочили благополучно. Александр, выкатываясь из-под трубы, кричал, ощущая себя негодяем:

– Держать, Мех, держать! Иначе нас накроет обшивкой!

Их не накрыло, успели отбежать. Гигантская, многотонная махина арки осела на робота. Бесшумно, как в кошмарном сне, неимоверная куча металлического лома: труб, кабелей, арматуры, мгновенно образовала над ним многометровый курган. Сверху его, точно саваном, прикрыло лохмотьями пластика. Александр крякнул:

– Жаль Меха. Прямо-таки героический робот. Что мы теперь станем без него делать?

А задуматься было над чем. Та проклятая арка, что внушила ему беспокойство при входе, висела еще ниже, чем предыдущая. Тут уж было не до разговоров – кинулись бегом. Александр сильным толчком отправил вперед француза, следом полетели контейнеры. Анна уже проскочила и застыла впереди, словно изваяние. Александр споткнулся и упал, зацепившись скафандром за какой-то обломок. Ферма оседала. Он, заматерившись, яростно дернул ногу, прочная ткань затрещала. Тогда он понял – не успеет. Не хватало се-

кунды. Анна, не колеблясь ни мгновения, встала под ферму. Александр в ужасе заорал:

– Не надо, Анечка! Лети сама, у тебя получится!

В ярости он дернул ногу изо всех сил, порвал верхний слой защитного чехла. Проклятый обломок, наконец, отстал. Выкатился из-под фермы, вскочил на ноги. Ничего поделывать уже было нельзя – Анна погибала. В полном отчаянии он заглянул в стекло шлема – лицо ее, изнутри освещенное индикаторами, исказилось смертной мукой. Она прохрипела:

– Беги, Сашенька. В моей укладке, в правом кармане на крышке, чип. Я рассчитала программу выхода, без нее вам не выбраться. Помолчала мгновение.

– Не получилось у нас... На Оку... Беги же, Сашенька. Я люблю тебя.

Он рванулся к двери. Над Анной бесшумно осела огромная куча металла. В телефонах раздался последний предсмертный хрип:

– Я люблю тебя, Саша...

Ему снились странные сны: короткие периоды бешеного, из последних сил действия, сменялись глубокими пустыми провалами. Сон был на одну тему: он спасал с какой-то полуразрушенной станции ученого-француза. Станция разрушалась, и им очень быстро надо было добраться до пришвартованного к осевому барабану челнока. Сил у него уже не было никаких, подплывала отвратительная дурнота. Что-то стряс-

лось с ногой, она оледенела. Кажется, он порвал скафандр. Даже во время провалов подсознание упорно цеплялось за какие-то странные воспоминания. Будто там, в этой отвратительной и мрачной металлической бочке, он потерял самого близкого и дорогого ему человека. Этот человек спас его ценою собственной жизни и погиб из-за постыдной оплошности, которую он допустил в самый важный и драматический момент. Это был какой-то воистину дьявольский происк, поскольку Бог никак не мог так поступить с ним – лишить его того, кого он нежно любил. Да еще поставив в такое глупое и страшное положение – всю оставшуюся жизнь винить себя в непоправимом. Его утешала немного лишь вялая мысль о том, что скоро это все закончится и он, наконец, умрет.

Вначале сон проплывал большими и связными кусками. Вот он тащит на себе яйцеголового, поскольку тот не умел пользоваться ранцевыми двигателями, и сцепку из двух контейнеров. Вот он поливает отборным боцманским матом несчастного француза, так некстати расшеперившегося во входном люке. Кажется, завалившись на спину, он дал ему здоровенного пинка. В минуту просветления, в полном сознании, он осторожно швартуется к своему «Зеро». Потом опять провал, наверное, длительный. Эжен, с белыми от страха глазами, беспомощно опустил руки, не представляя как вывести капитана из забвения. А капитан почему-то ощущает приступ злобной радости от растерянности француза: это тебе не в барокамере отсиживаться!

Следующий кусок опять длинный и связный: он роется в чьей-то укладке и не может вспомнить, чья же она. Из кармана на внутренней стороне крышки достает прозрачный футляр с чипом. Вводит его в бортовой компьютер и слышит сочный баритон, сообщающий ему о том, что ориентировка и старт будут, согласно введенной программе, осуществляться полностью в автоматическом режиме. А ему, дескать, надо лечь в амортизатор. Он механически выполняет команду. В тесном отсеке, в амортизаторе под прозрачной крышкой – спящий француз с уродливой маской на лице. Он укладывается в длинный футляр, нехотя натягивает маску, слушает, как шумит амортизирующий раствор и с наслаждением думает, что сейчас-то он точно умрет. Потом вдруг ярко и отчетливо появляется перед ним искаженное лицо Анны, и он вспоминает все, до последней мелочи. Хочет закричать от острой боли, но не успевает – он уже умер.

В глубокой темноте небытия появилось какое-то раздражающее серое пятно. Его цвет только слегка отличался от окружающей черноты. Потом он становился все светлей и все большую злобу вызывал. Покой был нарушен. Стало понятно, что это пятно существует помимо его желания, как-то отдельно. Наконец свет его стал уже просто несуразно ярким, и он понял, что в его потусторонней жизни наметились существенные перемены.

Он какое-то время поразмышлял, что само по себе вы-

звало у него удивление: мыслью, следовательно, существую. Потом вяло решил, что ему на все наплевать, и загробная жизнь, какая бы она ни была, уже не может его интересовать. Однако против его воли глаза открылись, и он понял, что у него есть глаза, да и тело, какое-никакое тоже ощущалось.

Вверху был серый матовый потолок, ярко освещенный откуда-то сбоку – должно быть из окна. Он похлопал глазами, концентрируя зрение, потом очень осторожно повернул голову по свету. В салатовую стену была вмонтирована панель с какими-то дисплеями. На одном из них ползла кривая в виде более или менее одинаковых синусоид сложной формы – должно быть альфа-ритмы его мозга. С веселым изумлением подумал:

– А примитивная в чистилище техника. Точно в нашем госпитале.

Хотя он уже понял, что жив и находится в этом самом госпитале, где ему доводилось валяться не один раз.

Теперь он отважился еще на один героический поступок – повернул голову в сторону света. Центральная часть большого окна была поднята, в проем задувал веселенький ветерок, несущий множество запахов. Пахло хорошим осенним солнечным днем, когда воздух тепел, тонок и сух. Пахло крепким яблочным настоем и немного дымком – острым, волнующим запахом сгоревших листьев. А на немыслимо ярко-синем небе бушевали золотым и красным верхушки кленов. От такой веселой картины и мертвый немедленно встал бы.

Александр попытался, но из этого ничего не вышло: слабенький был. Но он отчетливо ощутил, что руки-ноги у него еще есть.

От этих попыток где-то в утробе серого плоского ящика с картинками из жизни его организма пронзительно запищал некий сигнал. Звук был неприятным и бесконечным.

– Да где они, заразы. Кофий небось пьют, эскулапы.

От этих мыслей ему вдруг страшно захотелось есть, даже замутило. Явилась тут какая-то золотистая скумбрия холодного копчения, за ней подскочило блюдо с вареной картошечкой. В ней не хватало свеженького сливочного масла. Впрочем, оно услужливо подскочило и рухнуло в картошку, сладострастно истаивая. Ну, вот вам и резная деревянная солонка с крупной солью, и пара-тройка огурчиков. Небольших таких, крепеньких.

Сигнал продолжал мерзко пищать, а рот наполнился слюной. Наконец медсестра появилась – немолодая, с приятным русским лицом. Испугана она была до крайности. Только взглянув на него, выскочила в коридор, и оттуда донесся ее голос:

– Иван Матвеич, Славин очнулся!

Иван Матвеевич явился незамедлительно – толстый, невысокий, лысый, как колено. На широком лице совсем некстати примостился тонкий ястребиный нос. Он изумленно распахнул выпуклые глаза и секунду осмысливал событие. Потом засиял, всплеснул руками и радостно прогово-

рил:

– Ну, наконец-то. Ты что же, стервец, народ так пугаешь? Валяется себе и валяется без конца. Уж думали, что до окончания века в спячку залег.

Он живо подскочил к пульта и защелкал переключателями. Его стало едва слышно:

– Так-так, замечательно, просто великолепно. Главное дело-то в чем? Не кома это была, вовсе не кома, – он повернул от пульта довольное лицо, – я сразу им сказал. Некое пограничное состояние, охранительная реакция. Верно, солдатик?

Александр прекрасно знал Матвейча, как его звал весь летный состав. Как же его можно было не знать, когда он много лет оперировал, сшивал, клеивал, пришивал руки, ноги, менял органы и еще бог весть как восстанавливал космических бедолаг, попадавших в разные переплеты. Блистательный хирург, тонкий диагност, он был врачом универсальным, от Бога.

– Ну-ка попробуй щеки надуть. А теперь погримасничай, – и тут же стал тереть щеки, дергать за нос и уши.

Александр слабо проговорил:

– Доктор, перестаньте.

– Ага, заговорил. Ну, молодец, молодец.

Он пронизательно посмотрел на солдатика:

– Жрать, небось, хочешь?

Александр с вождением замычал:

– Копченую скумбрию с вареной картошкой. И огурчики.

Доктор заликовал:

– Как же-с, как же-с. И от рюмочки коньячку не откажешься, а?

– Ну, натурально, доктор.

Доктор деловито сказал:

– Могу предложить витаминный комплекс, фруктозу и овощную вытяжку в знак особенного благоволения. Надо, дружок, сначала твою пищеварительную систему активировать, тебя ведь три месяца из шприца кормили.

Он обратился к медсестре:

– Покормите его, Антонина Васильевна. А то сейчас академики набегут, черти б их взяли. Начнут свои ученые туры разводить.

Матвейч, как всегда, оказался прав. Палата вскорости заполнилась учеными мужами, которых доктор не выносил. Александра начали осматривать, мало не под микроскопом, зондировать, сканировать, клеить датчики и задавать глупейшие вопросы. Впрочем, ревнивый Иван Матвейч очень жестко отвел им полчаса и по его истечении бесцеремонно выпроводил ученую братию. Повытаскивал из контрольной аппаратуры носители с записями, подмигнул Александру и ушел довольнешенький.

Поправлялся он быстро. Против ожидания помнил все, что с ним произошло до мельчайших подробностей, но эти,

совсем недавние и трагические воспоминания, словно лежали в некоей папке. Знаешь, что она лежит в каком-то ящике, но доставать ее совершенно незачем. А попадетса на глаза – равнодушно затолкаешь ее под разную дребедень, которая горой там лежит. Это равнодушие очень удивляло Александра. Он подумывал, не обошлось ли тут без Матвеича? Впрочем, быстро забывал об этом. Посетителей к нему не пускали, телевизор смотреть не разрешали. Зато видеотека в госпитале была превосходная и Александр, впервые за долгие годы, с наслаждением пересмотрел любимые с детства фильмы. А также много новых, о существовании которых и не подозревал.

Доктор навещал его каждый день, осматривал, насвистывая веселенькие маршики, помалкивал, если не считать одобрительных междометий. Наконец разговор состоялся.

– Ну что ж, Саша, я тобой доволен. А пуще того, собой, ибо прибыл ты сюда в таком виде, словно тебя из бетономешалки вытащили. Я имею в виду твое внутреннее состояние. Ты и не человек был вовсе, так, куча нервного хлама. Досталось тебе. Впрочем, сам виноват – не хрен было в джамп без амортизатора лезть. Я понимаю, что необходимость жестокая штука, но никакая нужда не может заставить человека совершать такие самоубийственные поступки. Прибавь к этому чудовищное нервное напряжение. И, главное, что там с тобой произошло. Этого, брат, даже для быка многовато.

Ты у нас паренек сообразительный, догадался, верно, от-

куда твоё спокойствие? Грешен, грешен. Я немного покопался у тебя... – он слегка постучал согнутым пальцем по лбу Александра, – ты уж извини за вторжение. В общих чертах по данным бортовых документов и из рассказа Куртье, я осведомлен о том, что произошло. Пришлось выставить защитный блок, иначе твои воспоминания тебя бы сожрали.

Он потер крепкий затылок.

– Я этот блокочек таким образом настроил, чтобы крепость его со временем уменьшалась – необходимо, чтобы мозг сам активировал сопротивление. Словом, для тебя должно пойти все совершенно естественным путем. Но беда в том, что никакой блок тебя на сто процентов не защитит – слишком свежи еще тяжкие воспоминания. Посему я и предпринял драконовские меры изоляции. Но жизнь штука такая – всего не предусмотреть. Поэтому я тебя в эти тайны и посвящаю – при пробое старайся держаться молодцом. Главное, переключайся на мысль о том, что все уже позади. Ты жив и здоров, задание выполнил. Позже просмотришь материалы – мировая пресса уже сделала тебя человеком года. Начальство на седьмом небе, а как же – под чьим крылом такой орел вырос?

Прибавь к этому просто колоссальную премию Совета Внутрисистемных корпораций, – он протянул Александру изящный футляр. Под прозрачной крышечкой с черно-золотым логотипом Совета, на алом бархате лежали золотая карта и чековая книжка.

Доктор мастерски продудел на губах туш и крепко пожал ему руку:

– Поздравляю тебя, Саша. Мало кому из наших такая честь выпадала. Но и это еще не все. Тут к тебе ломится толпа народу. Всякого... Я разрешил два посещения. Первое: посол Франции вручит тебе орден Почетного Легиона, – доктор крепко потер лысину, засмеялся, – как-то трудно, знаешь ли, отказывать послу. Второе: Кривцовым я тоже не смог отказать, они, бедняги, извелись. Как узнали, что ты очнулся, так Алена полчаса рыдала, не могла успокоиться – так переполновалась. У тебя прекрасные друзья. Ну а насчет остальных, смотри сам. Список тебе дадут – выбирай.

Доктор ошутимо замялся:

– Теперь, Саша, самое неприятное. Ножку я тебе подправил, хотя дела там нехороши были – в верхнем слое скаффандра здоровенная дыра. Хорошо, что он новой конструкции, с большим числом внутренних перепонок, отсекающих поврежденные части, иначе бы труба дело. Хромоты почти незаметно будет. Но... – доктор помолчал, – летать тебе уже не придется. С летной работы ты списан стопроцентно.

Александр с глубокой симпатией смотрел на доктора:

– Иван Матвеевич, я ваш должник на всю жизнь. Спасибо вам большое за все, что вы для меня сделали. Что до летной работы – бог с ней. Я на две жизни налетался, хватит. Построю себе дом на Смоленщине, да и буду рыбку ловить.

Доктор довольно потер руки:

– Вот за это хвалю. Молодец, просто молодец. Ну, так что, запускаем французов?

Комната наполнилась важными господами в шитых золотом мундирах дипломатического корпуса. От переливов красок парадной одежды, огромного количества цветов, от запахов дорогого одеколона моментально возникла атмосфера яркого и значительного события.

Высокий стройный человек с седой романтической шевелюрой и великолепным галльским профилем произнес прочувствованную речь, которую Александр понимал через слово. Переводчика не было, отчего-то решили, что он знает французский. Впрочем, все было ясно без всяких слов.

Посол вручил ему белый эмалевый крест на трехцветной ленте и дивной красоты бумагу, стилизованную под пергаментный свиток – свидетельство о пожизненном пенсионе. После чего важные господа откланялись. Александр подумал:

– А Куртье-то не было. Обиделся французик на грубое обращение.

Доктор вышел проводить высоких гостей, а в маленькой прихожей зарокотал круглый басок Кривцова:

Навигацкие ребята – питухи,
Собирались у Яузы-реки,
Во кружале, во царевом кабаке.
Они денежки зажали в кулаке.

Александр радостно засмеялся – Николай пел неофициальный гимн Московской космической академии, которую все курсанты считали отчего-то прямой наследницей Навигацкой школы, учрежденной самим Петром Великим.

Федорыч своими плечищами заполнил всю палату. Сияли оконные блики на его смуглой лысине, сияли его лупатые глазищи. Он пожал руку – словно подкову гнул:

– Ну, здорово, почетный легионер!

Сзади раздался сердитый голос Алены:

– Да отодвинься ты, шифоньер, дай с человеком поздороваться.

Стала целовать его, вымочила слезами:

– Что ж ты с нами делаешь, поросенок! Разве можно так людей пугать? Три месяца как селедка в холодильнике провалялся.

Она уселась на кровать, стала шарить по многочисленным пакетам:

– Я тебе пирожков напекла, с мясом и рыбой. А вот капуста квашеная, как ты любишь – с брусникой. Антоновка, твоя любимая. А огурчики, взгляни, Сашка, соленые, с хреном и чесночком.

У несчастного Сашки рот мгновенно наполнился слюной – госпитальное меню такие продукты органически не переносило. Он воровато взглянул на дверь и хищно схватил огурчик.

Николай крикнул:

– Вишь, оголодал, бедняга, – полез в боковой карман пиджака, – давай-ка по глоточку.

Алена зашипела:

– Ты с ума сошел! В больнице!

Николай захохотал:

– Это, мать, не больница, это госпиталь – заведение для мужиков. Не волнуйся, для него это сейчас самое лучшее лекарство.

От рюмки водки жидкий огонь пошел по жилам. Он медленно вдохнул, захрустел огурчиком.

– Господи, ребята, до чего же я рад вас видеть.

Красавица Алена хлюпнула носом:

– А уж мы-то как рады.

Александр успокаивающе погладил ее по руке:

– Ну, успокойся, Аленушка. Я тебе флаер подарю, самый шикарный.

– Сдался мне твой флаер. У меня свой есть.

– Да он у тебя года три в ангаре стоит сломанный.

Алена рассудительно сказала:

– Не три, а всего полгода. Это хорошая машина. Если бы этот великий механик, – она мотнула головой в сторону мужа, – не лазил бы в нее, ей бы сносу не было.

Николай весь засиял:

– Нет, Сашка, ты видишь какая у меня жена? Другая бы все жилы вытянула: подай новую машину. Золото, а не женщина.

– Пооди, вытяни из тебя хоть что-нибудь, скупердьяй! Себе дороже просить.

Разговор шел легкий – общение людей, любящих друг друга и радующихся встрече. Кривцовы были деликатны. о прошедшем не было сказано ни слова. Посидев еще минут двадцать, они распрощались, договорившись о следующей встрече уже у себя на даче.

– По грибы ходим, Санек. Нынче в Подмосковьё грибов – страсть. На рыбалку съездим, ушицу сварим. А баньку-то я соорудил – настоящая липа, брат, сладость души. Ну, на кой он сдался этот космос.

– Да уж, Коля, отлетался. Матвеич посвятил.

– Ну и славно. Сколько мытариться можно? Шкура-то она своя, родимая. Да еще и единственная.

Александр какое-то время полежал, глядя в потолок. Потом стал задремывать. В это время раздался крик Антонины Васильевны:

– А ну куда, куда? Нельзя к нему, доктор запретил. Вишь, шныра, какая, лезет, как к себе домой.

Ответом было какое-то невнятное бормотание с умоляющими интонациями. Александр поразился: всегда деликатная и мягкая Антонина Васильевна лаялась, как базарная торговка, уличенная в обсчете.

В палату вломился толстенький потный человек в мятом костюме. Галстук сбился набок, седые остатки шевелю-

ры стояли востропанным нимбом вокруг лысины. Отдираясь от неумолимой сестры, он взмолился:

– Не погубите, Александр Петрович. Пропадаю ни за грош.

Лицо толстяка было смутно знакомо. Александр пробурчал:

– Оставьте его, Антонина Васильевна. Человек по делу.

– Знаю я их дела. Воля ваша, а доктору я доложу, – разгневанная она вышла.

Отпыхиваясь, толстяк присел на стул, стал вытирать потную лысину мятым платком. Торопливо представился:

– Старший инженер отдела материального снабжения Проскурин Василий Степанович. Вы, Александр Петрович, извините за вторжение, но мне хоть караул кричи.

Он суетливо извлек из потертой папки пачку распечаток:

– Вы же знаете нашу дурацкую систему – командир экипажа должен отчитаться за утраченные материальные ценности. У нас очередная ревизия, будь она неладна. Начальство с меня требует отчета на списание. И всего-то ваша подпись нужна. Грозятся – если не будет вашей подписи, с меня стоимость имущества вычесть.

Александр поморщился:

– Будет вам сказки рассказывать. Что я порядков не знаю? Начет в размере трехмесячной зарплаты – это они могут.

– А вы что думаете, для меня это мало? Что ж, я-то расплачиваться должен?

Александрю стало неловко.

– Ну, давайте ваши бумаги. И откуда такое пристрастие к писанине? Сбросили бы отчет на мой компакт, я бы утвердил – и вся недолга.

– Да вы что, наших олухов не знаете? Как при Петре Великом стали отписываться, так до сих пор не закончат.

Александр бегло просмотрел обширный список:

– Аварийный контейнер «нулевка», скафандра два, один из них ремонту не подлежит, второй утрачен. Медицинская капсула, две экспресс-аптечки, пиропатроны, швартовочные лебедки, робот типа «Механикус» – один. А это что за биоробот?

– Ну, как же? Биоробот производства фирмы PQZ Corporation. Бешеных денег стоит. Из-за него весь сыр-бор и разгорелся. Фирма нам его передала в арендное пользование на срок полета. Арендная плата, конечно, копеечная – хоть здесь постеснялись, а то бы летели сами за своим лягушатником. Но работа по договору надо вернуть, а он, вишь, утрачен.

Александр растерялся:

– Позвольте, это же биоформ. Почти человек, как же так? Арендная плата...

– Да у нас такого раздела и нет еще. Числится по разделу «Биороботы» да и все дела.

– Что ж это, вещь, по-вашему?

– Ну, вещь, не вещь, а имущество.

Словно раскаленный прут в мозг вошло видение: искаженное лицо Анны и ее хрип: «Я люблю тебя, Саша!»

Трясущейся рукой подмахнул три экземпляра отчета и, не слушая благодарностей, откинулся на подушки.

Он слышал, как подоспевший доктор вытурил снабженца из палаты, как чмокнул пневматический иньектор, вводя ему дозу успокоительного. Вяло сказал:

– Я в порядке, доктор.

Потом добавил непонятное:

– Прав Николай, прав. Занеслись, возгордились, решили с Господом сравниться. Так ведь Господь своих детей любит, а они имуществом считают. Грех это, тяжкий грех, доктор.

Для подготовки обложки использована художественная фотография автора.